

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**Вадим
ДЕНИСОВ**

**ГЕНЕТИЧЕСКИЙ
ДРЕЙФ**

Вадим Денисов
Генетический дрейф
Серия «День G», книга 2

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6607153
Генетический дрейф: Эксмо; М.; 2014
ISBN 978-5-699-69757-1

Аннотация

Безмятежный отдых русского туриста Егора Санина на острове Корфу был прерван неожиданным появлением НЛО. Доблестные стражи порядка открыли огонь по инопланетному кораблю. Пришельцы в долгу не остались. Сопротивление было подавлено мгновенно. Но это было только начало. Очень скоро стало ясно, что инопланетяне применили неизвестное на Земле генетическое оружие. Егору и его друзьям пришлось уходить морем. Да только не так это просто сделать в мире, который стремительно превращается в гигантское кладбище...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	44
Глава 3	82
Глава 4	124
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Вадим Денисов

Генетический дрейф

Глава 1

Человек с Севера под греческими звёздами. Пока у Егора Санина всё почти традиционно.

Вывалившись в пространство из кондиционированной атмосферы уже ставшего родным sea view бунгало «Би-элевен» – выучил, ёлки, каждый вечер после заказа напитков приходится диктовать номер официанту, – я, шаркая шлёпками, без особой бодрости спустился по потрескавшимся от бесконечной жары бетонным ступенькам к бассейну, вокруг которого на лежаках парились завсегдатаи. Сутками лежат. Загорают. Тупо. Как можно лежать пластом среди перегретого бетона, имея под боком море цвета сапфира? Да тут настоящая Голубая Лагуна спряталась под гнутыми пиниями, пользуйтесь, господа!

Не хотят.

Телеса на белых пластиковых прилавках интернациональные, однако выглядят они всегда одинаково – обездвиженные и обезжизненные, словно куски мяса на Даниловском рынке. Только там мясо выглядит аппетитно. У этих мож-

но мясницким топором отрубить кусок ноги или задницы, и никто не заметит, в том числе и сам объект рубки – вокруг сплошной анабиоз, многие даже в бассейне не купаются. Чаще всего тут лежат немцы, которые затемно развешивают на лежаках свои выцветшие многосезонные тряпочки, занимая удобные места сразу на всю банду. Ибо халява, лежаки у бассейна бесплатны, а выкладывать семь евро за комплект из зонта и двух лежаков на пляже им страсть не хочется...

Немцы часто самоорганизуются. Помню, в один из заездов у бассейна с раннего утра собирался целый муравейник бледнолицых дойчей, и отвлечь их от процесса автозажарки могла только еда. Вечером весь этот вермахт сдвигал на террасе лёгкие столы: пиво в высоких стаканах, невкусные местные сосиски, сидячие немецкие песни без танцев в пляс. Лениво они бодрятся, с холодком... Один раз с умилением наблюдал вялые подпрыгивания на стульях с продвижением паровозиком вокруг стола. Сейчас немцев в отеле стало поменьше, зато англичане понаехали. Британцы тоже горазды попеть спьяну по вечерам за столиками. Сосисок у бриттов на тарелках, как правило, нет, зато они охотно трескают картошку фри с кетчупом. Таким образом, островитяне сутками не выходят из зоны вблизи ресторана, перемещаясь по замкнутому кругу: номер – бассейн – бар – ресторан.

Около восьмидесяти процентов отдыхающих в «Холидей Палас» – люди старше пятидесяти лет, большая часть из Западной Европы. Пенсионеры очень общительны и доброже-

лательны, охотно расспрашивают о России, особенно возбуждаясь при словах «Сибирь» и «Территория Таймыр». Русских пока немного, персонал говорит, что наши в июле подтянутся. Да и вообще в мае людей тут мало, многие отели поблизости вообще стоят пустыми. Хотя и море прогревается, и жара днём подскакивает до вполне себе летней.

Мне лежаки у бассейна по фигу. Нырнул с борта, чуть остудил кожу, и хватит, пошёл дальше по своим делам. В отеле два бассейна. Закрытый – на случай непогоды – и открытый. Открытый бассейн в «Холидей Палас» большой, с подогревом, наполнен соленущей морской водой. Есть огороженное цепочкой буйков место для детей. В этом бассейне довольно много хлорки. А ещё он настолько тёплый, что не освежает, температура воды не меньше тридцати градусов.

С даниловским мясом я не контактирую.

У меня в соседнем бунгало, на счастье, поселился замечательный сосед, парень что надо! Ирландец с итальянским именем Тони, худенький невысокий шатен с острыми чертами лица. Компанейский, душевный человек, родная душа. Мы с ним периодически пробуем чего-нибудь ирландского. То односолодового, то тёмно-пенного. Благодаря ему я подтянул свой английский до мало-мальски приемлемого уровня. Вообще-то он Энтони, однако жена называет его именно так. Тони отдыхает в «Холидей Палас» с женой и дочкой, они ничуть не мешают отцу семейства общаться вечерами с беспокойным русским приятелем. Жена Софи беремената, улыб-

чива и тиха. Зеленоглазая, как и её родители, четырёхлетняя дочка Лаура бегает по специальной траве огромной лужайки перед бунгало босиком, постоянно в цветочном венке, в неглаженом простеньком платье из ситца, вечно растрёпанная. Живая такая, непосредственная, природная. Не знаю, насколько они типичны, ирландцы эти... Ну, мне вот такие достались. Правда, пляжные полотенца у них реально зелёные.

Проходя мимо ряда лежаков, я огляделся, заметил, плотоядно улыбнулся и традиционно показал фактурную факушку двум знакомым дойчам, нежно вымолвив остро им ненавистное:

– Сталинград, камрады!

Те в ответ тут же зашипели гадюками на два голоса. Не скажу про степную, а гадюка обыкновенная издаёт два отличных, не похожих друг на друга шепелявых сухих звука: на вдохе и на выдохе, получается двухходовое объемное шипение.

Тут человека два – гадюка одна.

Знакомьтесь, это враги мои. Дружки-пирожки.

Положил я как-то полотенце на один из застолблённых ими лежаков – один сразу залопотал, сначала мирно, потом уже злее. Объяснил ему тихо-мирно: мол, что ты паришься, геноссе, сейчас быстренько занырну в бассейн и заберу, чего ради кипеш поднимать? Нет же, орёт: «Занято, мой френд вот-вот зайвится!» Я в английском далеко не ас, а вот немец-

кий язык учил до хай-скул включительно, так что кое-что понял. Ну и ему в ответку объяснил очевидное, ага. Тут же прибежал возбуждённый второй ганс – меня это несколько не остановило, хотя парняги весьма кабанисты. Прокачанные на тренажёрах, поддутые такие, культуристические.

Один из врагов белобрыс и конопат, вечно намазан жирным белым кремом, словно пирожное, отчего никак не может загореть, только краснеет и постоянно облизит. А крем скатывает слезающую чешую в противного вида трубочки-катышки. Второй камрад – загорел до предракового барьера, а потому чёрный, как гуталин, словно он не немец, а тот пакистанец, что огромными ножницами с длинными ручками подстригает кусты вокруг сектора бунгало. Пакистанец, кстати, меня удивляет до глубины души. При температуре в полдень под тридцать шесть работает исключительно в глухом тёмно-синем комбезе из плотной ткани и тяжёлых чёрных башмаках. С берцами. Тут в шортах и майке потом обтекаешь...

Завершая портрет: у чёрненького немца откровенно глупые глаза, есть такие в живой природе, даже объяснить не стану, сами небось не раз видели. Руки – в азиатских шаолинских партаках, от плеч до кончиков пальцев. Татуировки цветные, но кожа человеческая не дисплей самсунговский – на обугленном теле некогда нарядные рисунки стали грязными и смотрятся неопрятно, словно признаки заразной болезни. Фу, на, прикоснуться страшно... Этот чёрт постоян-

но носит ярко-розовую майку, для сексуального контраста. В ней же, сука, и купается в бассейне. Мода такая новая – купаться в футболках. Мне это чертовски неприятно, навевает мысли о бесплатной стирке. Скоро в носках начнут нырять. Оба без волоска на теле – сплошь депилированы, кошмар.

По-честному, то, пожалуй, любой из них сможет уронить меня достаточно быстро, по объективным физическим показателям, если они чем боевым занимались, конечно. Вот только душка в ребятах нет, ругаться ещё могут, а подраться – извините, сикают. И это главное, хрен ли толку от твоих тренажёров, если в морду получить боишься? Боли бояться – на танцы не ходить. Я вообще-то и сам не хилак, в институте боксом занимался плюс регулярная охота-рыбалка, работаю мастером в плавцехе, должность далеко не сидячая, больше скажу – конфликтная. И в АБК иногда подкачиваюсь с ребятами в зале. Но таких банок давно не видел, без анаболиков тут не обошлось... Правда, многодневная лёжка плашмя не способствует тренировке дыхалки и сердца. Как с этим у врага? Надеюсь, когда-нибудь проверю.

Неделю назад мы сцепились, и с тех пор я не дурак подраться. А фактически не с кем, вот ведь проблема!

На Корфу драться не принято, это очень мирный остров. Греки дружелюбны. Может, излишне эмоциональны. Если континентальные греки ленивы, то островные ленивы вдвойне. Это философия такая местная, фиестическая. Иногда мне кажется, что философия правильная. И ещё – греки не

дерутся. Дело в том, что драчунам в этой стране корячатся огромные штрафы. Поэтому пар они выпускают акустически, криком. Если два грека ругаются на перекрёстке, усиленно жестикулируя, а мимо идёт третий, то он воспользуется ситуацией и выпустит пар, начав орать на обоих, при этом не будучи знакомым ни с одним, да и, как правило, третий в принципе не в курсе дел. Покричав, спокойно двигается дальше. В целом же греки всегда добродушны и неизменно вежливы в общении с иностранцами.

Вот и задираюсь к старым знакомым.

Вчера ночью мы с Тони, просидев за бутылочкой виски до самого утра, дождались, когда белобрысый ганс в полутьме выскочит из корпуса и торопливо развесит на самых жирных лежаках свои тряпки-метки. После чего тут же прокралась к застолблённой лёжке и с хихиканьем скинули полотенца в бассейн, предварительно завязав их в мокром состоянии тугими морскими узлами.

А что, 22 июня они на нас тоже с самого со сранья напали!

Ирландец, в симпатию мне, горазд похлестаться по поводу и без, даром что тощий. Так что международная боевая двойка у нас имеется. После знакомства с ним я выяснил, что люблю ирландцев, вот что я вам скажу. Тони сразу вник в конфликтную тему и предложил решить вопрос физически, коллективной битвой.

– У моей семьи к ним личные счёты, Гош.

– Кто? Где? – коротко спросил я.

– Дед. Сектор Суорд-Бич, отражение атаки немецкой танковой дивизии, – грустно вздохнул приятель.

– Понял. А мой прадед под Белгородом остался.

– Надо бы им напомнить.

И мы выпили за славных предков.

Уважаю! Каждый раз вечером мы с Энтони, добавив на посошок дома, начиная с «Рояля», идём по ближайшим барам искать вражин, только вражины хитры и после заката чаще всего прячутся в номерах, тем более что у них там есть интересное занятие, они нетры. То есть нетрадиционно ориентированные сапиенсы, это я так подмудрил немного, чтобы не применять более конкретные термины, честно говоря, куда как более привычные. А по-немецки – «швули».

Лежат и глядят друг друга по задницам. Как-то раз проходящая мимо дородная украинка, шествующая вдоль кромки с двумя упитанными внуками по обеим сторонам от корпуса, узрев такое развратное дело, долго думать не стала и со знанием дела, да с оттяжкой, по-казацки вмазала мокрым пляжным полотенцем по слащавым спинам. Те было возмущённо заорали, но тётка подпёрла толстыми руками бока, сноровисто скрутила скаточку потуже и включила такую сирену про публичный разврат при детях и засилье педофилов, что те просто убежали.

Признаюсь, что ни виски, ни пиво я не люблю и почти никогда их не употребляю.

Тут же другой случай – налицо конкретный пример, когда

хорошая компания дороже привычек. Тони, между прочим, предпочитает не ирландский виски, а шотландский. И просвещает меня по мере сил. Так, я узнал, что для порции виски в Шотландии есть специальное название – dram. «Good dram» – порция на три пальца от доньшка. Так что, приходя в шотландский бар, можно не тратить много слов, чтобы выпить хорошего виски. «One good dram, please...» – и поехали. Он же научил меня правильно пить виски. Есть так называемое правило пяти «П»:

1. Посмотреть. Для этого виски должен быть налит в бокал с тонкими и гладкими стенками, дабы по цвету и текстуре можно было определить крепость и качество напитка.

2. Понюхать. Прежде чем вмазать, бокал нужно немного подержать в руках и несколько раз повернуть. Аромат стоит вдыхать с разного расстояния, чтобы в полной мере почувствовать букет виски.

3. Посмаковать. Маленький глоток лучше некоторое время подержать во рту, покатать по языку и даже пожевать, чтобы в полной мере оценить вкусовые составляющие, начиная с первого впечатления и заканчивая послевкусием.

4. Проглотить. Виски пьют неторопливыми маленькими глотками. Медленный и прочувствованный глоток поможет оценить мягкость или резкость.

5. Плеснуть воды. Говорят, что она помогает раскрыть букет, аромат и вкусовые качества виски, поэтому многие дегустаторы-профи сразу добавляют её в стакан.

Правила я выучил, но выполнял только первое и четвёртое. Не могу смаковать этот самогон, как его ни назови.

Вообще-то стараюсь много не пить, я на машине. Взял авто напрокат сразу и на весь срок – двадцать один день. Выбрал фиатовскую «Панду», и эта маленькая тачка очень понравилась. Посадка у неё высокая, удобно, клиренс чуть побольше, чем у остальных малолитражек, в горку «Панда» тянет резво, кондиционера двигатель не замечает, салон просторный, а топлива жрёт чуть больше зажигалки. Брал прямо в отеле, вышло недорого. Поначалу хотел арендовать крошку «Джимни», но исправного джипа не было, а ждать я не захотел.

Устроился замечательно.

Один в просторном бунгало. Для удобства сдвинул кровати вместе, упрямая горничная раздвинула. Опять сдвинул – вновь раздвинула! Ладно, понял... Положил на подушку пять евро – тётка отстала. Я по жизни холостяк, а теперь ещё и курортный холостяк, позавчера проводил домой подружку Кармелу. Эх... Посадил красавицу на белоснежный паром в Новом порту, чмокнулись мы на прощанье взасос, и укатила моя Кармелита к себе в родной Милан. Хороша была девка в постели и около, только болтала много. Зачем? Я один хрен ничего не понимал, лишь музыкой языка наслаждался. Итальянцы сейчас в отеле экзотичны, редко встретишь. Греки с опаской ждут их массового наплыва недели через четыре, говорят, что тогда – атас, держи панаму: макаронники тащат

всё, что плохо лежит, после них пепельницы заканчиваются.

Условия барские. Одна только терраса в виде травяной лужайки у меня квадратов под сорок, это дорогого стоит! Есть своя кухонька, что важно. Плазмочка невеликая, а вот холодильник большой, не мини-бар позорный, куда вечно ничего не лезет. У бунгало только один относительный недостаток – постоянно приходится шастать по лестницам, что подкачивает, помогает не терять форму.

С террасы открывается обалденный вид на Ионическое море и легендарные символы острова Корфу: на Влахерну – «Приют убогих», древний маленький монастырь, построенный в 1635 году, и Понтиконисси, то есть Мышиный остров. Мышиный легендой связан с самим Одиссеем. Этот непоседа сам сюда причалил по ошибке, зарулив на Корфу, ещё и корабль заморозило в скалу. Что-то такое... Греки умеют на пустом месте создать красивую историю для туристов, в местности со столь насыщенной легендарикой сделать это не трудно. По легенде же Посейдон влюбился в красивую нимфу по имени Керкира, умыкнул её и привез на остров, где она родила сына Феака, родоначальника всех феаков. Именно остров Корфу был описан в «Одиссее» Гомера как Схерия – остров феаков, который явился последним пристанищем для Одиссея при возвращении на Итаку.

На Мышином живут павлины. Ездил на лодке посмотреть – не нашёл, зараза, в жару птицы прячутся от отдыхающих в кустах, каждый турист норовит добыть павлинье перо. Во-

зят их, за долю малую, хитромудрые греческие мужички в капитанских фуражках с гербом города Киева, как у Остапа Бендера, лодки с туристами курсируют от Влахерны постоянно. Хотя смотреть на Понтиконисси нечего.

Ночью павлины громко орут, их слышно круче самолётов, никогда не думал, что эти красивые птицы имеют хриплый голос сущей стервы. Эти павлины – живая метеостанция. Орут мало – значит, жди ясной погоды. Часто – к дождю.

Место отменное.

Ночь прекрасна. Зовущие разноцветные огни по берегам, белые и розовые цветы вокруг, запахи мёда и магнолий, дощатая ограда лужайки бунгало, изогнутые пинии, бокал в руках, подсвеченный синим бассейн, лёгкая живая музыка из бара и мерцающее море перед глазами – всё пронизано отдыхом и приятной истомой летнего безделья. Подняв глаза, увидишь незабываемую картину звёздного неба, сливающегося с далёкими огоньками в почти идеальной глади моря. Женщинам на такое смотреть категорически нельзя, они могут заморожено встать и под звёздами пойти по воде к этим огням, убежать от вас, скучных, к старым греческим богам или героям, способным на крутые подвиги.

Днём – жара, несмотря на весну, яркое солнце, голубое небо с проседью облаков. Вечером становится прохладно, это люксовый бонус, особенность Корфу. Вид – лазурь лагуны и густая зелень старого соснового леса. На территории

отеля вообще очень много зелени, воздух пахнет хвоей и эвкалиптом. Корфу, и это знают ценители, вообще лесистый остров, в отличие от Крита, например.

Подошёл к деревянному ограждению своей законной лужайки, глянул вниз – меж сосен проглядывает многоцветно-мозаичное морское дно. Яхты подкатывают, пижонские катера с мачами болтаются на малой скорости. У каждого мачо – вздыбистый хохолок под Пресли, буквально все с ним ходят.

По вечерам я отправляюсь встречать садящиеся самолеты на набережную у Влахерны. Очень красиво, люблю. Закачал на смартфон программу «Флайтрадар» – софтина в реальном времени показывает на карте местности, какие борта на подходе к аэропорту, что летит, кто только на квадрат заходит, а кто уже на глиссаде, что за борта на ВПП стоят, взлетать собираются. Отличное средство мониторинга. Страшно представить, что такая программа доступна любому потенциальному террористу.

А на обратном пути – прямо вдоль моря есть тропинка на склоне – я с наслаждением купаюсь на пляже в чуть остывшей водичке. И по лесистой тропке – подъёмник-тельферик уже не работает – к себе, в «Би-элевен». После чего наблюдаю взлёты-посадки с лужайки, пилоты включают курсовые прожектора прямо передо мной, а глиссада снижения проходит чуть правее. Шум авиатехники ничуть не мешает, современные двигатели вообще мало шумят. Кроме того, я, как

все северяне, люблю авиацию. Иногда фотографирую садящиеся борта, хотя фотограф из меня тот ещё... Да и мыльница, купленная по совету опытных товарищей, попалась дерьмовая, срабатывает с запозданием, отчего постоянно психуешь, испытывая острое желание стать олимпийским метателем.

У этого аэропорта самая короткая взлетная полоса в Европе – два с половиной кмэ, ВПП в виде узкой насыпной ленты, ограничена морем, разворотный круг полосы 35 крошечный, кругом вода, страшно смотреть, как «Боинг» или «арбуз» разворачивается на этом пятачке перед взлётом в сторону гор. Да уж, пилот должен иметь особую подготовку и навыки расчёта траекторий и скоростей – в море свалишься на взлёте! Посадка здесь больших самолетов запрещена, так что летают аппараты максимум класса «Боинг-737-800».

В паре сотен метров от обреза взлётки со стороны моря находится узкая бетонная дамба, соединяющая берега залива. Там постоянно стоят весёлые и слегка пьяные к вечеру местные рыбаки, курортные зеваки и авиаспоттеры, рискованно проезжают скутеристы.

Если на дамбе встать прямо под колпаком осевого прожектора светового привода, то приземляющийся самолет проходит точно над тобой, чуть ли не задевая голову стойками шасси, проносится, обдав наблюдателя громом и ураганным выбросом турбин – завораживающее зрелище! Многие специально приезжают, чтобы посмотреть на это чудо, стоя

на старой дамбе. Бесплатное шоу, таких аэропортов в мире немного.

С длиной местной ВПП связана одна яркая легенда.

Дело в том, что во дворце Ахиллеон периодически проводят встречи глав государств ЕС и большой восьмёрки. В 1994 году на Корфу была запланирована встреча Совета ЕС на высшем уровне, в которой принимал участие и Борис Ельцин. Президентский борт «Ил-96» – самолёт серьёзный, такие громадины просто невозможно посадить в условиях Каподистриас – государственного аэропорта Корфу. Ельцину были предложены два варианта: первый – сначала прилететь в Афины, а дальше на маленьком самолёте доставят, второй – добраться из Афин морем. Ха-ха! Наш президент заявил, что он садится в Керкире на своём самолёте, или пошёл бы ваш саммит лесом...

И греки лесом не хотели и решились принять большой самолет, а наши лётчики посадили «Ил-96», прижав его буквально «с первой плиты». С тех пор местные говорят, что таким мастерством обладают только русские пилоты.

Море в этом месте Канони, посёлка, что находится рядом со столицей и аэропортом («аэродромо», как говорят сами греки), очень тёплое, искусственная лагуна из больших валунов делает своё дело, и вода в гавани прогревается быстро. Берег на радость детям песчаный, пологий, мелкий, до глубины «с головой» надо топать метров сорок, поэтому лучше спускаться в море с пирса. Там состояние воды лучше, она

чище и прохладнее. Много рыбы и крабов, сидящих на камнях. Людей они не боятся, толкаются в ноги, иногда пощипывают.

Немцы опять не захотели воевать.

И ладно, вечером ещё раз спросим, сейчас спешу, некогда.

Я торопился не на пляж и не в ресторан. По магазинам прошвырнуться надо бы, в Керкиру сгонять – купить пару футболок, за последние дни умудрился две штуки устрять, и наведаться в район Канали, что находится по другую сторону от аэропорта. Там много крупных магазинов, в коих и затариваются сами греки. У острова присутствует некий ореол места высоких цен, но на поверку это не совсем так. Цены тут действительно покруче, чем в курортных местах материковой Греции, но пониже, например, чем в Италии. У меня денег хватает, платят мастеру хлорно-кобальтового цеха реально зашибись. Я в крупные магазины не за ценой еду, а за выбором, в местных крохотульках наборка убогая.

Холодильник опустел, поездка назрела, потому вчера я выпил весьма и весьма умеренно, хотя соблазн был. Днём северянину прогуливаться тяжеловато – жарко. В машине с кондеем – другое дело, это настоящее средство спасения.

Объездил уже весь остров.

Очень нравится, что у отеля есть своя бесплатная парковка: подземная и асфальтовая площадка ниже отеля. Это удобно.купаюсь не где скажут, а где захочется. В последнее время обычно с утра я качу на юг, в Гарденос, облюбованное

замечательное местечко с полудиким песчаным пляжем, откуда видно остров Антипаксос и куда наезжают в основном местные. Поблизости нет больших отелей, дорога через сады хорошая, и таверны стоят прямо у берега. Обладание машиной избавило меня от назойливых экскурсоводов, всё делаю сам.

По самодеятельной экскурсионной программе посетил удивительной красоты дворец Ахиллеон – поразительная смесь тевтонизма с неоклассицизмом, посвящённая теме Троянской войны и древнегреческим персонажам, а не новодел какой позорный... Правда, дворец, по впечатлениям, разграблен процентов на восемьдесят.

Объездил все достопримечательности столицы острова, конечно же, знаменитые пляжи Палеокастрицы, Кассиопи и Сидари, очаровательные бухты северо-востока и мягкие пляжи юга острова, сонный городок Лефкимми, вторую столицу острова, мужской монастырь Животворящего Источника и много других знаковых точек. Навестил много мест исторических, поклонился местам боевой славы Ушакова со товарищи, создавшими тут Республику Семи Островов.

Был у Святого Спиридона, хотя я себя никак не отнесу к истово верующим, просто любопытно стало. Дважды в день саркофаг открывают, чтобы адепты могли приложиться к мощам. Ну, посмотрел недолго со стороны и ушёл. Дело было в субботу, народу набежало много – крестили греческого мальчика. Все очень торжественно и даже трогательно.

С едой в отеле всё ништяк, обожаться можно, если ты турист-терпила.

Завтраки-шведки ненавистно одинаковые, континентальные. Набор продуктов – для западников. Скучно местное меню для русского человека, если не считать разнообразием три вида яичницы, полное отсутствие каш и обязательные кислые соусы в пасте вместо сливочного масла. Отчего соусы отдельно не представить? Семейным в Греции не просто, не каждый ребенок согласится постоянно трескать хлопья с молоком... Супов у греков нет в помине, суп, в их понимании, есть пища больных людей. Попросишь суп в харчевне – тут же озабоченно спрашивают: не болен ли ты, часом?

На завтрак всегда есть жареная картошка и сосиски, немцы в восторге.

Я в последнее время по утрам только молоко пил. Потом вообще ходить перестал, затариваясь в магазинах. Какое хрена вставать по будильнику, как на работу, и с сонной рожей рубать отельную бурду? Всю зиму встаю на работу в шесть и не готов недосыпать на отдыхе ради мюслей с изюмом.

Ужины в отеле обильны: сортов пять мяса, рыба, каждый день смена ассортимента. Вечная мусака, сувлаки, запеканки, как же они надоели... Есть невозможно, если честно. Почти всегда имеются блюда из морских гадов: мидий, каракатиц и прочей нечисти, говорят, что всё вроде вкусно и... всё надоедает очень быстро. Я морепродукты практически

не ем, воспитан на северной рыбе, коей вся местная в подмётки не годится. Они тут никогда в жизни не ели настоящей Рыбы.

Греческая кухня проста и убога. А мясо местные кулинары буквально портят. Никогда ничего не выдерживают и не маринуют, шашлычки всегда сухие и жёсткие, им бы наш адлерский шашлычок попробовать, да... Меню – жареное или запечённое, и всё. Конечно, кругом знаменитый сыр гравьера в кляре с красным соусом, подсушенные лепёшки с соусом огуречным, обязательные сардины, подкопчённые баклажаны и кабачки с чесноком, непотрошёная рыба на гриле, пастидо. Везде льют много оливкового масла, я его теперь просто ненавижу. Целые спектры видов блюд, как и способов приготовления, искусственно выключены из национального кулинарного набора. После такого особо начинаешь ценить кулинарное наследие французов.

Греки – кулинарные монополисты. Бесконечное количество таверн предлагают одно и то же: пита – местная разновидность шаурмы, мусака, жарёха на гриле. Ещё у них очень много мучной выпечки, по мне так далеко не лучший выбор на такой жаре. И никаких китайских ресторанов! Вообще никаких чужеземных нет, кроме греческих! Даже в Таиланде, в Паттайе, есть грузинский, узбекский и несколько русских ресторанов – греки же не пускают к себе никого, а сами не хотят осваивать ничего иноземного. Одинокий Макдоналдс на Спианаде, центральной площади Керкиры, – настоящая от-

душина для американцев, да и я порой после мучений с греческой кухней с удовольствием беру там стандартный бигмак.

Температура несколько упала, кондей в салоне не включал.

Управился я на удивление быстро, удачно найдя место для парковки перед казино в районе бухты Керкиры. Вернувшись в отель, поставил «Панду» на подземную стоянку, ухватил пакеты с овощами-фруктами, молочкой и вином и потащил всё добытое в свой надёжный схран.

Уже подходя к бунгалу, мысленно отметил одну странность – видел на улице полицейских, надо же! И пеших, и в авто. Я тут вообще полицаев до этого дня не наблюдал, их на улицах практически не видно. Греки довольно специфично относятся к ПДД: двойная сплошная для них не препятствие, остановиться они могут где захотят и лишь для того, чтобы поболтать через форточку с приятелем. Обгоны, маневрирование, торможение – всё, так сказать, на индивидуальное усмотрение. Мотоциклисты часто гоняют по серпантинам без шлемаков и защиты, никого это не смущает, в том числе и полицию. Шалопайи, что тут говорить. Однако расстрелянных дорожных знаков, что сплошь и рядом наблюдается на Крите, я здесь не видел ни разу. Улицы городков и деревень на Корфу очень узкие, тесные, знаки незаметные, а светофоры часто допотопные, к тому же без жёлтого света и режимов мигания. Ничего, все ездят и не бьются.

И полиции никогда не видно.

А сегодня – видно.

К чему бы это?

* * *

На вечерний берег напоздали мрачные грозные тучи. Быстро темнело.

Мы с Тони сидели за столиком и неторопливо потягивали из кружек и бокалов, взятых из верхнего бара, – вся полянка перед нами, за ней стволы сосен, море, дальний берег... Ненужные лежаки под персональными зонтами мы ещё пять дней назад оттащили к соседям, пусть люди порадуются, нам же нужен обзор, не испорченный гнутым пластиком.

Первые огоньки по берегам зажглись ярко, их сразу контрастно проявлял цвет предгрозового неба. Я посмотрел на часы, всего полдевятого. Рановато для такой темени, вот что значит подходящий с юга штормовой фронт! Всего один раз я наблюдал знаменитые корфуанские грозы, как говорят некоторые, самые громкие на планете. Не знаю, насколько это утверждение справедливо, но грохот впечатляет.

Сегодня весь вечер с перерывами шёл мелкий тёплый дождик, потом над вершинами пиний поднялся сильный порывистый ветер, стало прохладно, температура опустилась до восемнадцати градусов, что меня чрезвычайно порадовало. К побережью подогнало серьёзные тучи километровой

высоты, а подошедшая к нам на минуточку Софи сообщила, что, судя по всему, тут наступила зима. «Зиму» мы успешно пережидали под козырьком бунгало, любуясь красотой стихии и попивая обжигающий крепкий кофе, даром я, что ли, маленький кофейник в Чайна-тауне купил...

На столике стояло белое сухое вино, сегодня у нас с Тони что-то вроде разгрузочного дня, местный климат плохо подходит для северных крепких напитков и пива, организм быстро устаёт от такой нагрузки.

Похоже, крутая гроза с ливнем всё-таки реально будет, поход в кафешку отменяется.

На смотровой площадке, нависшей над ВПП, расположено целых пять кафе, откуда праздные отдыхающие под звуки живой музыки и коктейльное сопровождение при свечах наблюдают взлёты-посадки. Сейчас, под таким ветром, там не самый кайф, ну его. А уж когда ливень грянет! Да и коктейли... Не люблю я апельсиновый сок, а поэтому большинство коктейлей мне не нравятся.

Как-то принимаю «Текила санрайз», и то нечасто. Уважаю больше из-за крепкой поддержки всякими историями. Коктейль появился во времена Сухого закона в небольшом мексиканском городке-курорте Аква Кальенте, где любили квасануть хорошо обеспеченные американцы. Однажды кто-то из постояльцев попросил бармена приготовить коктейль, который бы имел в своём составе текилу, но при этом его можно было бы пить прямо в бассейне. Не долго думая, бармен

смешал текилу с апельсиновым соком и гренадином. Название «Текила санрайз» дали за своеобразный цвет, он действительно напоминает краски рассвета. Ещё большая популярность к напитку пришла после одноимённой композиции группы «The Eagles», а также благодаря «роллингам», ибо те во время турне дули именно этот коктейль.

Хоть я и люблю томатный сок, «Кровавая Мэри», как мне кажется, не подходит к местному антуражу. Остаются различные мохито, что быстро надоедает. Впрочем, в такую прохладу в темноте можно намахнуть чего потяжелей, например пару «Б-52».

Здесь сидеть будем.

– Полёты отменили, – уверенно заявил Тони, разворачивая к себе тарелку с фруктами и выуживая самую маленькую клубничку. – Прохладно становится, Гош, не находишь? Может, всё-таки чего покрепче принести?

– Не факт, – не согласился я с приятелем, включая «Флай-традар». – А то, что покрепче, никуда не уйдёт. Под грозу можно будет, если случится.

– Случится, – не усомнился ирландец.

А ведь зябко становится! Подумал я и включил кондиционер – панасовский агрегат, охлаждая помещение, погнал тёплый воздух наружу, на террасу, и в просторной нише под козырьком стало теплее.

– Ты хитрый! – улыбнулся напарник.

– Ага. Жизнь заставит.

Программа загрузилась, проявилась зелёная карта острова с жёлтыми силуэтами двигающихся в небе летательных аппаратов. Стянул экран пальцами, уменьшая изображение. Ого! Аж четыре штуки подходят с разных сторон к острову! Смелые парни! Ага, это «Рианаир» идёт, а поближе – «Аир Берлин»... Тесновато. Да чего, собственно, переживать, системы посадки давно автоматизированы, пилоты в кабинах сидят опытные, сюда летают одни и те же. В последние дни начали появляться частные «маломерки», особенно меня впечатлила крошечная чёрно-золотистая «Бичкрафт Бонанза». Приземлилась вчера и уже успела раза три засветиться в небе над Канони. Довелось посмотреть на такой самолёт вблизи, когда был в Игарке, – канадцы прилетали знакомиться с нашими северами.

– Видишь? – Я развернул экран. – Небо любит смелых!

– Все любят смелых, – философски отметил Тони. – А аэропорты любят умных и осторожных. Закрывать надо.

Постепенно становилось всё темней и темней. Напротив через огромный залив уже уверенно засветились цепочки огней курортных побережий.

– Огни Бриндизи, – сказал я тихо, сделав большой прохладный глоток.

– Почему Бриндизи? Откуда здесь Бриндизи? – возмутился ирландец. – Я чего-то не понимаю, Гош? Подожди, сейчас возьму планшет...

– Да не надо планшет! – улыбнулся я. – Это образно,

без географии! Просто был у меня знакомый енисейский боцман, молодой парень, который всё мечтал увидеть огни Бриндизи.

– Увидел? – деловито спросил Тони.

– Чёрт его знает, пропал куда-то.

– Утонул?

– Нет, именно пропал. Там какая-то мутная история вышла...

К столику тихо подошли Софи с Лаурой, дабы дисциплинированно поцеловать папулю и сообщить ему, что семья собирается в люлю. Софи накоротко присела, допила мужнин фужер, от ироды отказалась, после чего неожиданно заявила:

– А ты, Гош, типичный русский!

У меня клубника выпала изо рта.

– С чего ты вдруг вспомнила, Софи? Вообще-то во мне прилично татарской крови.

– Есть некий стереотип, и ты под него идеально подходишь.

Конечно, подхожу. Нос картошкой, светловолосый, глаза голубые, говорят, весёлые. Метр восемьдесят три, среднего телосложения тридцатилетний мужик. Иногда сочно ругаюсь матом, Тони прилежно записывает – учит.

– А бабушка говорит, что и еврейская кровь когда-то примешалась.

– Да к кому она только не примешалась! – махнул рукой единственный философ Энтони Финнеган.

Женщина встала, поцеловала мужа, заодно и мне досталось, чмокнули в щёку, это греет. Хорошие они ребята, соседство с такими людьми очень приятно. Завтра вместе с утра поедем в Гарденос, тамошний золотой песочек будет в самую жилочку беременной женщине. Девочка тоже поцеловала папулю, улыбнулась и ухватила в ладони горстку клубники, руки она потом вытрет прямо о траву лужайки, и мамаша ничего ей не скажет. Говорю же, природное воспитание.

Внизу резко взвизгнула и затянула тревожную трель сирена полицейской машины.

Охренеть! Что такое творится, а?

Не албанские ли террористы нагрянули на курорт?

Говорят, не так давно в Керкире был скандал, прошли акции протестов, после которых власти Корфу большое количество албанцев депортировали на историческую родину, то есть через пролив. Что позволило резко снизить уровень криминала на этом и так спокойном острове.

Правда, в зоне отдыха английских студентов простым людям праздно шататься настоятельно не рекомендуется. Я не так давно ездил в южный городок Кавос, где процветает самый что ни на есть хиппианский рассадник. Что сказать: миниатюрная Ибица. Пару раз медленно прокатился по центральной улочке, с трудом протискиваясь мимо компашек, большая часть которых была гашёная, и не только спиртным. Весело там! Девки по трое-четверо катаются на квадрах, во

всех заведениях играет заводная музыка, вокруг – сплошная молодёжь, всё кипит и бурлит. В воздухе гормонов содержится больше, чем кислорода. Ну, я уже не в том возрасте, чтобы там тусить, надо быть посолидней. Да, посолидней, давеча так решил. Даже купил себе рубашку поло с крокодилом.

Тони что-то быстро бросил уходящей жене, я не успел разобрать, что именно, уровень знания языка не позволяет. Та остановилась, обернулась и так же быстро ответила. Тревожным голосом, между прочим. И почти сразу, уже спокойней, спросила у обоих:

– Да вы что, парни, местных сплетен не знаете?

Откуда нам знать местные сплетни, мы по пляжам не тусуемся, в столовке не трёмся – истинно солидные люди. Днём, ага...

– Разве вы не слышали о летающих тарелках?

Мы одновременно вытаращили на женщину удивлённые глаза. НЛО? Тут?

– О каких тарелках?

– Посмотрите лучше телевизор, пьяницы, – скорбно молвила София и удалилась окончательно.

Я телек практически не включаю, что там смотреть... CNN слишком сложен для моего понимания, разве что новостной подстрочник могу прочитать. Албанские каналы? Учи албанский, Егорка! Я вас умоляю... Греческие? Это же невозможное дело, товарищи! Так и не научился бегло про-

читать греческие надписи, вот же алфавит какой придумали эллины! А ведь именно он мог стать международным вместо английского, говорят, при голосовании всего пары голосов не хватило! Есть наша русская «Планета», но она идёт без звука, как я только не настраивал, на ресепшен жаловался... Так что ящик – помощник невеликий.

– Может, включим? – спросил Тони.

– Ну давай, – неуверенно буркнул я. – Только какой канал?

– Местный включай, «Корфу». Что-нибудь поймём.

Время новостей ещё не настало, по корфуанскому каналу шёл какой-то сериал. Ладно, подождём. Наконец-то с мрачных небес опять посыпался дождик, постепенно набирающий силу. Интересно, сегодня хозяева тоже запустят систему орошения лужаек? Каждую ночь врубают микрофонтанчики, чтобы трава не пожухла. Иной раз я нежусь под холодными струйками, если не сплю.

– Смотри, Гош, летит!

Заходящий на посадку борт уже включил курсовые прожектора, но звука двигателей слышно не было, он появится позже. Беззвучно летящий на тебя огонь... Может быть, это их за НЛО принимают? Немудрено, поначалу сам не понимал, что такое светится вдали! Ксенон, или что там стоит на современных самолётах, пробивает очень далеко, даже море под собой подсвечивает. Яркая точка постепенно разделилась на две, послышался низкий гул мощных движков.

В небе ярко сверкнуло, сейчас грохотнёт!

Так, этот смельчак успевает приземлиться вовремя. Посмотрел на экран смартфона, ткнул пальцем в жёлтый силуэт самолётика – берлинский рейс. Мало мне немцев, сейчас добавку подкинут! Вдали за садящимся самолётом показались яркий огонёк, очередной борт заходит. Гуськом выстраиваются, торопятся. Представляю, как сейчас диспетчера в порту колотятся...

Загромыхало конкретно! Длинные ломаные молнии пошли плясать в небесах.

Ёлки, да как они в такую погоду собираются садиться? Тут главное – приземлиться с первой попытки, уходить на второй круг в окружении таких кучевых и всё увеличивающихся зигзагов молний не есть гуд. Так ведь два аэроплана на подходе! Рёв двигателей пролетел мимо, первый самолёт удачно зацепился на полосу 35, вскоре послышался гром реверса, тормозит. А ведь скользко на бетонке!

Вот и ещё два огонька. Подожди-ка... – да их три!

Я торопливо посмотрел на экран смартфона.

Ничего не понимаю: после очередного подходящего к ВПП авиаборта должно следовать два огонька, ведь всего в воздухе находятся три самолёта, все «Боинги»! Ну точно! Почему четвёртого на экране не видно, а? Программа сбоит? Военный-неопознанный? Ни разу их здесь не видел. Впрочем, Албания совсем рядом, значит, и Косово недалеко, а где-то там дислоцируется американская база «Кэмп-

Бондстил», говорят, что самая большая в Европе. Если там есть аэродром, конечно.

Расстояния в Европе детские.

Меня обслуживает отечественный сотовый оператор, через посредничество «Водафона». Когда проезжаю по узким серпантинам северо-востока острова, оператор услужливо присылает эсэмэску: «Добро пожаловать в Албанию!» За такие приколы я каждый раз посылаю оператора матом.

Хорошо бы иметь радиосканер! Подслушали бы переговоры пилотов с землёй.

Вскоре всё изменилось.

После первого хлёсткого удара по-настоящему гигантской молнии показалось, что я расслышал хоровой крик испуганных береговых наблюдателей, заглушённый раскатами сильнейшего грома, которые уже через полминуты превратились в непрерывную артиллерийскую канонаду. Второй борт тоже сел исправно. Похоже, взмокший как мышь командир воздушного судна теперь прикидывает на рулёмной дорожке, сколько нейронов сжёг за этот непростой полёт...

Ба-бах! Ба-бах! Ничего себе! Страшные изогнутые тени деревьев резко качнулись в разные стороны.

Опять налетел шквалистый ветер, на этот раз холодный, и тут же вскипевшее ночное море враз заполыхало фиолетовым и кроваво-красным – от берега до берега большого залива, всё освещённое зловещим фейерверком чудовищной мощи. Колдовские молнии под грохот и вой ветра танцевали

над водой, ломались прихотливыми зигзагами трёхкилометровой высоты, вонзались во вспененные воды и окутывали Влахерну, Мышиный остров и скалистые берега территории отеля «Холидей Палас» зыбкой светящейся аурой.

Ух ты! Мы сидели напротив тёмной ограды, до хруста сжав в руках бокалы, уже немного мокрые, несмотря на длинный бетонный козырёк, и прилично напуганные. Так и не рискнули подойти под таким дождём поближе к обрыву, чтобы посмотреть на посадку третьей машины.

– Встали! – заорал Тони.

Я торопливо подхватил с сушилки кепку и натянул на голову поглубже, чтобы уберечь глаза от сильных струй.

Чёрт, плоховато видно, деревья мешают!

Последний опознанный программой смартфона борт заходил достаточно уверенно, на мой взгляд без опасного провала ниже глиссады. Пригляделся к траекториям. Это «Эгейские авиалинии»! Бог в помощь вам, парни!

Неучтённый же огонёк повёл себя в высшей степени странно.

Нет, ребята, это не вояки с «Бондстил»!

Объект начал резко набирать скорость и в считанные секунды опасно сблизился с уже приземляющимся «арбузом», встав параллельным курсом совсем рядом, пассажиры должны видеть его во всех деталях. Да он и не собирается садиться! Это вообще не самолёт!

– Это не самолёт, Тони! – проорал я, повернув голову к

приятелю.

– UFO! Тарелка, чтоб я лопнул! – проревел тот в ответ, старательно закрывая глаза ладонью, словно козырьком.

– Она им мешает!

Ба-бах! После серии ярчайших вспышек докатившаяся до берега ударная волна страшного грома жახнула по зданиям так, что ставни затряслись. Ярко заблестел белый шар большого авиационного радара, стоящего на вершине ближайшей горы. Я оглянулся. Окна главного корпуса отеля светились адским жёлто-сиреневым пламенем, в чёрных провалах балконов заплясали рваные тени.

– С курса сбивает! – решил Тони и выругался по-своему. Да нет, непохоже. Просто сопровождает.

НЛО был небольшим, в половину размаха крыльев садящегося «арбуза». И эта была настоящая летающая тарелка, как на картинках, как в кино! Обалдеть! Светящихся «иллюминаторов» я не заметил, внизу по окружности горели огни типа не очень мощных курсовых прожекторов. Объект двигался на удивление плавно и совершенно бесшумно, к рёву двух двигателей приземляющегося самолёта не подмешивался грохот никакого другого движителя.

Наконец пилот заметил летающий объект рядом с собой. А может, диспетчеры сдуру предупредили, если так, то зря, нельзя отвлекать лётчика в такой момент! Во всяком случае, командир инстинктивно накренил самолёт влево, уходя от возможного столкновения, однако, надо отдать должное ма-

стерству лётчика «Эгейских авиалиний», тут же постарался выровнять машину – нет у него другого выхода, нужно садиться! Пока сильный ветер дул встречным курсом, всё было более-менее приемлемо. Однако ураганные порывы начали стремительно менять направление на боковое, легко разворачивая самолёт по отношению к оси ВПП. Твою душу, да как он сядет?!

Да как угодно! Второго шанса не будет! Какой тут второй круг?!

– Он сядет?

Я нервно пожал плечами. Отсюда сам момент касания не видно, надо идти на смотровую площадку.

НЛО тем временем почти остановилось, пропуская самолёт вперёд. Объект подвис точно над Мышиным островом, пугая притихших павлинов, подождал в темноте невесть чего и медленно тронулся вдоль установленной прямо на воде цепочки огней к взлётной полосе. Охренеть! А чего я фотоаппарат не взял? Да потому что хрен что эта мыльница снимет в таких условиях! Впрочем, тарелка не собиралась позировать на фоне символа острова. Крутанувшись на месте, дёрнулась в сторону Влахерны – по древним белым стенам разлился холодный свет бортовых огней. Потом передумала, развернулась блинчиком и всё так же медленно поплыла к аэродрому.

– Погнали на площадку! – предложил я.

– Сейчас, футболку возьму!

Под бетонным козырьком я вновь оживил планшет – «Флайтрадар» докладывал, что ни над Корфу, ни поблизости нет ни одного борта, всех посадили. Никто не летает! Ага... Ещё как летает!

До нас донёлся звук включённого реверса – значит, ребята всё-таки приземлились.

Глянув на наручные часы, я зачем-то засёк точное время происшествия, сам не понимая, как смогу эти данные применить впоследствии. Свидетель всё-таки. Должны же отреагировать на такое событие в аэропорту – их РЛС в шаре на горке стопудово должна была гадское НЛО засечь!

– Бежим! – рявкнул Тони, врываясь в мою комнату.

Так и выскочили, ничего запирать не стал.

К обзорной площадке мы летели самым коротким путём, по тёмным аллеям, под струями проливного дождя. Там есть суши-бар, а от него – выход на обширную стоянку, вокруг которой и расположились кафе. Несмотря на непогоду, фотодатчики, установленные на тропинке, исправно срабатывали, синюшный свет загорался среди высоких деревьев и тут же потухал по мере нашего продвижения по скользким ступеням. Навстречу попались две парочки, спешащие в номера. Они что, ничего странного на берегу не увидели? Или же просто не обратили внимания, увлекшись вечерним досугом. Вот и суши-бар, где балом правит вредящий официант по имени Насос, паразит и халтурщик, дать бы ему в репу от души... Ударение в имени – на первый слог, одна-

ко я называю его более привычно, добавляя закономерный эпитет «грёбанный».

Грёбаного Насоса в крошечном зале не было. Там вообще никого не было.

Мы ринулись ниже, через кафетерий вылетая на разворотную стоянку серпантина.

– В «Ройал»! – скомандовал я.

Секунда, и мы, вдохнув-выдохнув, с рожами потомственных мазохистов вывалились под шквальный ливень. Секунду постояли, привыкая, и побежали к входу в самое больше обзорное кафе смотровой площадки. Пролетая мимо закрытых сувенирных ларьков, я успел отметить два расколотых витринных стекла и обвалившиеся стеллажи со стандартными сувенирами. Крепко тут жажнуло! Машин на стоянке было ещё много, но их количество стремительно таяло, последние посетители торопились забраться в салон и смыться в направлении дома или номера.

Один большой полотняный козырёк сорвало ветром, второй выстоял. Под него!

– Смотри! – Тони толкнул меня локтем.

Севший последним самолёт боком стоял в самом конце взлётки, возле него мигали проблесковые огни «Скорых» и пожарных машин – жёсткая посадка вышла у летчиков «арбуза», тряхнуло людей не на шутку. Да чего там, они молодцы, что вообще сели! Им медали надо дать за посадку в таком кошмаре и на такой полосе!

С яркими искрами на набережной начали гаснуть фонари – электросеть пробило. Район внизу постепенно погружался во тьму и лишь аэродромное освещение по-прежнему работало исправно.

Внизу почти прямо под нами, опять заорала сирена полиции, я перегнулся через фигурные бетонные перила, посмотрел направо. Две ментовские машины стояли в ряд, у обеих водительские двери были открыты. Водитель левой громко и непонятно переговаривался с кем-то по рации, наверное, с диспетчером, второй же полицейский, стоя у своей машины, смотрел в небо, держа в руках помповое ружьё.

Даже так?

Значит, вы уже определили это НЛО как вражье?

На нижнюю площадь набережной с ревом выскочил небольшой полицейский мотоцикл, весь в праздничной красоте проблесковых огней, встал, такой лаковый, рядом. Что там дежурный по городу думает? Нормальное ты, парень, подкрепление им выслал, теперь держитесь, гады... Ну, теперь вам хана, инопланетяне, героев уже трое! Греки, а вы можете подходить к делу посерьёзней?

Интересно, есть у них на Корфу средства ПВО?

Вряд ли. Турки отсюда далековато, это вам не Кипр, где, вроде бы, стоят даже наши зенитные комплексы «С-300». От кого тут грекам обороняться? От итальянцев? От мстительных албанцев? Как-то всё несерьёзно получается.

Точно знаю, что в Новой или Береговой крепости Керки-

ры располагается учебная база Военно-морского флота Греции. В районе Нового порта, проезжая мимо, не так давно заметил пару сторожевиков в шаровой окраске. Военных же самолётов не видел ни разу. Как-то раз наблюдал один высокоплан на посадке, подумал было, что это натовский транспортник, – оказался обычный грузовик-почтовик. С вертушками на Корфу тоже кисло, ни одной на полосе и около. Может, где-то есть частные «Робинсоны».

С другой стороны, готовясь к поездке, вычитал, что во время визита в Керкиру одного из кораблей ВМФ России его встречал, в том числе, и старший военно-морской начальник района Керкира капитан 2-го ранга... не помню имени. Значит, какое-то военное командование на острове присутствует, может, и небольшая военная часть найдётся?

Тут к нам неожиданно подскочила знакомая официантка Лилит и как ни в чём не бывало, вылупив почти безмятежные глаза, осведомилась: будут ли господа чего пить? Я обалдело посмотрел на неё и замычал, отрицательно тряхнув головой, но Тони тут же всё переиграл:

– Два виски, девочка! И быстро!

– Шотландского?

– Любого!!! – зарычал ирландец.

Кивнув, Лилит умчалась к бару, а ирландец дёрнул меня за руку, приводя в чувство.

– Внизу висит!

НЛО теперь находилось почти под нами, чуть левее, бли-

же к Влахерне. Хорошо маскируется, собака! И маневрирует легко, не боится коснуться склона. Выключив все огни, тарелка стала практически незаметна. Корпус НЛО был чуть наклонён в сторону группы полицейских машин, что съехались на набережную.

Как греки будут реагировать на вторжение с небес?

Полицай с ружьём, словно прочитав мои мысли, отреагировал, как уж смог. Что-то прокричав в небеса, он, прикрывая левой рукой лицо от дождя, задрал ствол в бурлящее небо и выпалил из помпы! Выстрел прозвучал совсем тихо, уж больно насыщенное звуковое поле было вокруг. Ну это ты зря...

– Так. Валить надо, – быстро понял я.

– Что ты сказал?!

Со стоянки перед кафе тем временем смывались последние машины.

– Ваш виски, господа!

– Гош, выпили!

Мы быстро хлопнули и положили стаканы на мягкие серые кресла, со стола их всё равно сдует. Ну и ветер!

– Мне это не нравится, Тони, уходим!

– Мне тоже!

Ситуация не понравилась и пилоту НЛО. Пли управляющему компьютеру.

Под корпусом тарелки что-то загудело, диск наклонился ещё круче и тихо выплюнул яркий серебристый шарик. Сна-

ряд вышел из корпуса медленно, сразу после выхода словно призадумался, а потом с быстротой молнии ударил в корпус левой машины. Полицейский с ружьём в три балетных прыжка едва успел отскочить в сторону! Автомобиль, продолжая орать сиреной, принял удар крышей и тут же вспыхнул странным холодным светом, сгорая быстро и бесшумно.

Мотоциклист торопливо потянул из кобуры пистолет, однако тот, что с ружьём, что-то ему свирепо крикнул, и подчинённый замер.

«Пусть она уходит, – подумал я. – Не связывайтесь вы с ней, мужики, вы чё?! Нечем вам связываться, хлопчики, жидковаты будут ваши пушки!» Тарелка вдруг вздрогнула, а потом начала медленно подниматься к обрезау площадки, где и стояли мы с Тони.

Атас, братва, нас заметили!

– Бежим! – окончательно решил я. – Лилит, прячься!

И мы врезали наутёк, как на спринте! Давно я так не драпал, последний раз это было на Украине, когда мы с другом ночью залезли в один прекрасный сад! К тому моменту, как зловеший диск НЛО поднялся над смотровой площадкой с опустевшими кафе и автостоянкой, мы уже тряслись, спрятавшись в густых кустах чуть ниже суши-бара.

– Через Насоса пошли, Тони! Тихо.

И мы пошли. Хватит на сегодня впечатлений, завтра будем разбираться. Нужна дополнительная инфа, а её пока нет. Надо бы посмотреть телек и выспаться хорошенько, башка

буквально раскалывалась. Фотоэлементы всё так же исправно включали в темноте аллеи фонари, а мы уже не бежали, а плелись, как загнанные клячи.

– Чувствуешь, дымом пахнет? – спросил я, останавливаясь.

– Действительно пахнет, и что?

– Странно... Не жаровни же сейчас разводят... Словно мусор где-то горит, да?

– Диоксины, – подсказал Тони. – И чёрт с ним, с дымом, мне к семье надо.

Уже не обращая внимания на нарастающую вонь, мы добрались до своих бунгало.

Телевизор я смотреть не стал, сил не было абсолютно, да и замёрз немного. Закупорился, включил кондиционер и заснул мёртвым сном, напоследок вспомнив, что любимую кепку всё-таки где-то потерял.

Глава 2

*Если уж это не «влип», то что такое «влип»?
Страшное бремя непонимания.*

Будильник смартфона запел утром вовремя, как и положено.

Проснулся я достаточно легко. Сел на кровати, покачался взад-вперёд, а потом замер, разгоняя густую мозговую тучу. Ведь что-то мутное снилось, нехорошее, ненормальное, если это определение применимо к снам вообще... Что я хочу? Где пульт от телевизора? Белый от кондиционера вижу, а тот, чёрненький, где?

Немного побаливает голова, это не проблема, достаточно залезть под холодный душ – и всё как рукой снимет. Чуть болит желудок. Во рту оставался какой-то ядовитый привкус. «Это от вчерашнего палева, – подумалось лениво, пока я совершал туалетный моцион. – Ох и ядовитый же мусор кто-то жёг, натравить бы на козла местного экоинспектора. Наверное, звери, а не люди, Европа всё же».

Куда я пульт от телевизора забил, в какую щель, а? Нет, сперва надо хоть чуть-чуть в себя прийти.

Так, в туалет марш-марш сделали, теперь – на кофейный моцион.

В комнате, кстати, до сих пор попахивало какой-то вони-

мой, даже кондиционер не спас, фильтр старый. Точно диоксин, что ли? Ну да, Тони вчера говорил... А он откуда знает? Я вот не разбираюсь.

Заварив кофе, открыл тяжёлые деревянные ставни из тёмного дерева, с усилием откатил в сторону огромное тяжёлое стекло и вытащил две чашки на веранду. Это обязательная процедура, ритуал. Ведь я курический бросец первой стадии! Посоветовали хорошие люди начать так: научиться не выкуривать первую утреннюю, пока чего-нибудь не съел или не выпил горячего. Поэтому первую чашку я выпиваю без дымового сопровождения. Вообще-то в Европе бросать легко, цены на сигареты адские, сами сигареты гадские. Все греки курят исключительно «Мальборо», старые добрые понты. А все «Мальборо» в мире, если вы ещё не знаете, поддельные. Местный контрафакт катают в Албании, редкостная гадость.

Привычно подогнув левую ногу под себя, уселся в жёстком кресле, немного поворочался, устраиваясь поудобней.

А воздух-то какой свежий! Сплошной кислород и озон. Никакого диоксина!

Птички поют, поднимающееся солнышко светит, словно и не было вчерашнего кошмара. Правда, тучки-то напозаюгут... Восемь утра, можно бы и ещё поспать. Как насчёт добрать немного, Гош? Надо решать быстро, пока окончательно не проснулся. Если ехать куда-то, то лучше по прохладце, можно ехать с открытыми окнами, без кондея. А что, если

в столовку сходить? Не хочется, а по уму – горяченького в себя вкинуть не помешает. Там пока тихо, спокойно, позже набегут.

Кляня себя за слабоволие, я торопливо выпил первую чашку и сразу потянулся за пачкой, лежащей на столе. Поднял глаза и только сейчас увидел ноги.

Две ноги. Женские. Голые. Белые.

Видно их было примерно по колено – ноги протянулись на мою половину лужайки.

«Это соседка справа, и это её пятки».

Почему-то сразу решил, что недвижимые ноги принадлежат именно ей, а не кому-то пришлому, словно изучал эти пятки загодя. Национальности её не знаю, а имени, убей, не помню! Я вообще плохо запоминаю имена-фамилии. Переметнулись в самом начале при встрече холодными дежурными «хаями», да и хватит знакомиться, видно же было, что личности мы полярно устремлённые... Больше не контактировали. Что сказать: средних лет женщина, ничего примечательного, в загулах не замечена.

Ночью она бегала по мокрой траве, как тут не бегать, когда вокруг сплошная фантастика творится!

Вот пятки и испачкала в сырой землице. И теперь одна торчащая нога была немного грязная, а другая чистая. Почему? Потому что именно эта пятка лежала прямо перед спринклером системы орошения лужаек, они тут напиханы по мураве в шахматном порядке. Вот эту пятку и отмыло

начисто струйками под давлением. Ледяной водой, между прочим, то ещё испытание! Даже мертвецки пьяный человек среагирует на распылитель, который включают часа в четыре утра.

Я встал, сделал несколько шагов вперёд и осторожно присел, опасаясь заглядывать за стенку. Наконец решился и дотронулся до холодной левой ноги. Потом поискал пульс... Уже долго лежит, это не обморок, не обольщайся, Санин, тут не накурка и не пьянка, это происшествие из ряда вон.

Соседка мертва, никаких сомнений.

Мертвецов я в жизни видел предостаточно. И в армии, и на поисковых операциях, когда искал пропавших в тундре коллег из цеха, на дальних охотах и рыбалках, утопленников не раз находил, сам попадал в катастрофы и видел со стороны их кровавые последствия, таскал и упаковывал. Но к виду мёртвого человека так и не привык.

Вот это номер!

Зашибись, я влип! Сейчас захлопают двери, забегают люди, завизжат женщины. Сюда нагрянет некогда незаметная греческая полиция, крепко разозлённая ночным происшествием, и вот он, Егор Санин – человек с определённой курортной репутацией, весь такой уютный да удобный. Хватай его с ходу и кидай в местный околоток до выяснения обстоятельств! Самый шикарный подозреваемый, только вышибай показания!

«Русский Иван по пьянке убил беззащитную румынку!»

«Странный способ удушения носками наводит на мысль, что русский проходил спецподготовку!»

Нормальные заголовки?

Вот что теперь делать, сука? Накрылся отпуск, к бабке не ходи.

Постоял я соляным столбом, а потом уже совсем решительно – чего теперь терять, не отвертись – зашагал на соседский участок... Точно. Лежит, сердечная, прямо на зелёнке возле столика. На столике ничего нет. Лицо спокойное, цвет кожи нормальный. Ни гримас, ни судорожных сжатий в кистях. Сердечко отключилось? Осторожно поискал пульс на руках – хрен там, минус.

– Ты попал Егорка, – сказал я вслух тяжко. – Вот как оно сложилось...

Вернулся к столику и тяжело сел в скрипнувшее кресло. Так и сидел, торопливо покуривая. Размышлял. Надо бы с Тони посоветоваться, вот что я решил спустя минуту-другую. Ирландец – человек разумный, проверено, он умеет думать взвешенно, глядишь – чего толкового и посоветует. И копам не сдаст сразу.

Возле откатной двери бунгало ирландцев меня затрясло уже конкретно.

Дверь у соседей слева была немного приоткрыта – сантиметров пятнадцать тёмной полосы от пола до потолка... Свет вроде нигде не горит. Слабый гул внешнего блока кондиционера. Неподвижность плотных штор за стеклом. И абсолют-

ная тишина внутри.

Вообще кампец, да тут кругом тишина! Гробовая. Что, все разом пульты от телевизоров потеряли?

– Тони, привет! Ты как там, в порядке после вчерашнего? Есть одна проблема! – крикнул я погромче нарочито свежим голосом.

Никто не ответил. Кровать не скрипнула, и тапки не шоркнули. Впрочем, Финнеганы вполне могли пойти на завтрак, они это дело практикуют, дисциплины ради. А чего тогда двери не закрыли уходя? Забыли, что ли?

Знал бы кто, как мне всё это не нравится... Как я ухитрился?

Резко открыв дверь, вошёл внутрь.

Меняхватило ровно на три секунды.

Три трупa – три секунды.

Выскочив наружу я сел прямо на траву – нет, буквально обвалился на четвереньки, потом резко согнулся в болезненном спазме – кофе почти не вылетело, так, один глоток... А вот ядовитая горечь поднялась аж до языка. Кашель пробил до спазма. Я упал на левый бок, потрясся, а потом отполз подальше, на солнце, по пути зацепившись краем широких трусов за очередной проклятый спринклер.

– Да отпусти же ты, падла! – Ну вот, треснула по шву китайчатина гадская. Надо срочно купальные надеть.

Вспомнив на мгновение маленький трупик несчастной Луизы в короткой ночнушке, скорбно лежащий там, на по-

стели, я согнулся снова. Дети-то при каких делах!

Какое-то время я не мог собраться с силами. Четыре трупа сразу и без видимых предпосылок – это перебор при любом жизненном опыте. Млять, что тут происходит, почему они все умерли?! С Тони общался недолго, чуть больше недели, успев оценить его как человека хорошего, с такими я быстро схожусь... И жена его умница. Дочка... Это жестокая потеря, и она ушибает конкретно. Поверить не могу, ведь мы расстались всего несколько часов назад! Да, Энтони выглядел устало. Ровно как и я, немного пьян и напуган. Но не больше!

Наконец, глухо откашлявшись, я опять добрался до своего кресла.

Не с кем посоветоваться, не у кого спросить.

Мысль о якобы сглаживающем все душевные ухабы крепком алкоголе мелькнула было и тут же, слава богу, пропала. Ясное понимание того, что именно сейчас нужно оставаться кристально трезвым, засела в звенящей от эмоций голове накрепко. Ни грамма.

– Тони, как же так...

Спокойно, Санин, спокойно, дыши глубже, думай быстрее, действуй продуктивней.

Так, ирландцы тоже умерли. Кто-то из них ночью вставал и подходил к двери, чуть приоткрыв ставню. Может быть, именно для того, чтобы сквозняком побыстрее выветрить из комнаты неприятный запах таинственной ядовитой гари.

После чего лёг на кровать и...

Тишина вокруг теперь представляла совсем в другом свете.

Почему не слышно голосов вокруг столовой? Почему возле бассейна не визжат детские голоса? Да, народа в отеле пока мало, но негласный распорядок шумового поля не меняется – здесь каждому звуку своё время.

«Что расплылся студнем? Дальше обследуй, разбирайся!»

Я подошёл к ограждению террасы. Всё та же пёстрая мозаика моря между ветками, опять яхта на якоре стоит, крошечная, в таких дети должны кататься, если пара взрослых мужиков залезет, то... Секунду! На тиковой палубе яхты лежал молодой человек в красных плавках. Головой вниз, руки безвольно болтаются в воде.

Ещё один труп.

Вздвогнув то ли от адреналина, то ли просто от страха, я метнулся налево, к самому краю зелёной площадки, откуда сверху отлично видно бассейн, нижний бар и само здание отеля. За полминуты я успел мельком оглядеть столики под серповидным козырьком бара, пустые лежаки – на некоторых ещё ночью хитрецами были разложены полотенца. Обычно, отлавливая с этого места хороший вай-фай, я успеваю всматриваться в людей, пытаюсь угадать их национальность, это как игра, привычка... В бассейне стоит гомон, вокруг него тишина, а ты изредка поглядываешь, прикидываешь...

Никого. Какое-то мистическое одиночество.

На плечи как-то сразу навалилась неведомо откуда взявшаяся усталость – а ведь только проснулся!

Стою один наверху, внизу ни души, за спиной трупы.

В голове вдруг тоскливо завывало, неведомая сила приказывала, звала куда-то... Мол, уходи, беги к чёртовой матери, Егорка, смени место!

Такое со мной бывает в самом конце долгой северной зимы, когда улицы и дворы окрашиваются в цвет серой грязи, вязкая холодная слякоть уже просто изводит, переворачивая привычный мир, да и тебя вместе с ним, мордой в самую гадость. До настоящей весны всего-то ничего, скоро природа сделает решительный шаг к радостным переменам, но вытерпеть трудно, отчаянно хочется на эти дни куда-нибудь свалить.

Вот я и свалил. На Корфу.

Получи теперь расслабуху.

Огромное здание отеля «Холидей Палас» признаков жизни не подавало.

– Словно вымерло, – прошептал я и вздрогнул.

На балконах не было ни одного человека. Обычно – есть, я тут не один такой, любитель выпить чего-нибудь с утра на свежем воздухе. Никто не снимает с верёвочек подсохшие к утру полотенца, дети не высовываются за край балкона, чтобы глянуть на заманчивое зеркало бассейна. Пуста и крытая веранда столовой. Все места свободны, прямо лафа. Не толпятся посетители перед многочисленными кормушками

опостылевшей шведки, не суетится персонал в униформе.

Мысль о какой-то по-настоящему фантастической причине происходящего, наподобие тех, что обильно встречаются на страницах книг в ярких обложках, в голову, признаюсь, пришла. Но не смогла зацепиться – невозможно, оказывается, в такое поверить. Лёжа ленивым тюленем на диване – легко допускаешь. В реальной ситуации – невозможно! Инопланетные, а скорее всего, просто засекреченные тарелки, нарушающие работу аэропорта и сжигающие полицейские машины... Полный бардак в небе. Ядовитый запах гари. И смерть вокруг. Теперь я уже не сомневался, что трупов будет много. Очень много.

Казалось бы – лепи любые допуски! А я не мог. Лишь одна мысль засела накрепко, её я и озвучил:

– Сука, это террористы. Химическое оружие применили.

Надо чаще проговаривать соображения вслух. Хоть что-то выжимать из головы, спорить самому с собой, так легче.

– А почему меня не торкнуло?

«Потому что ты квасил всю ночь, как сволочь, вот яд и нейтрализовало».

– А почему тогда Тони свалило? Он пил точно так же и то же самое. А семья его?

«Значит, что-то съел!»

– Иди ты в задницу.

На нижнюю площадку перед бассейном, скатившись по ступеням белым студнем, выскочила полная женщина.

Узнаю, эта та самая боевитая украинка, что гоняет развратников ссаными тряпками. Женщина остановилась, тяжело дыша, подтянула прямо через платье труселя, огляделась, вдруг что-то увидела рядом с собой и заревела, как сирена, во весь голос, противно и страшно.

– Понятно...

Картина везде одинакова.

Смартфон надо взять! Метнувшись в номер, я снова подскочил к месту наблюдения. Вот зараза, нет вай-фая! А на местной симке Интернет не подключен.

Украинка уже исчезла, оставив на земле пластиковый пакет, возле бассейна появился другой человек. Он очень спешил. Полноватый краснокожий дяхон в белой майке и мятых шортах тащил за собой большой трэвел-чемодан на колесах. Не разбирая дороги. Ещё немного, и колёса отвалятся – с такой скоростью он огибал бассейн. Почти добравшись до ниши лифта, он остановился, обернулся, вытер тыльной стороной ладони вспотевшее лицо и зычно заорал по-немецки, поторапливая родных. Так и не успел загореть на курорте.

Тут же показалась заполошная мамаша, тоже с чемоданом, и двое детей, оба с цветастыми рюкзачками за спиной.

Немчура драпает! Откуда-то из бунгального комплекса.

– Умные люди уже что-то поняли и рвут когти, – сказал я вслух.

«А ты тут стоишь, идиот, ждёшь чего-то».

Жду я. Понять хочу хоть что-нибудь.

Не знаешь, что делать? Напуган? Стой на месте, хоть секунду постой, успевая сообразить – на что же тебе Создателем столь мощный мозг даден? Сообразишь – действуй! Именно так человек разумный и выжил как вид, я так думаю... Травоядные рефлекторно бросались наутёк и попадали в засаду или падали со скалы. Хищники мгновенно отскакивали в сторону и переходили в атаку. Человек замирал и оставался на краю обрыва, рядом с родненькими пещерами.

Люди в живой природе ничего не могут делать лучше зверей, у каждого из которых есть своя генетическая специализация. Одни лучше бегают, другие прыгают, третьи плавают, а четвёртые – летают по веткам, в том числе и с помощью хвоста. Везде звери выше, дальше, сильнее.

За исключением одного: мы умеем лазить по скалам. Даже отвесным.

Никакой зверь не поднимется по вертикальной стене, не заберётся с такой скоростью на камень, даже снежный баран скачет исключительно по хорошо знакомым ему полкам, не таким уж и узким, между прочим. Только мы, потому что для этого нужно прямохождение, человеческие кисти и стопы. Именно в горах люди выжили и сформировались, умея укрыться от любого, самого страшного зверя, а потом там же его и завалить качественно для жарки, используя силу гравитации. А обезьяны всё скакали по веткам. Лучше нас, между прочим. Так и скачут по сей день.

Вот такой я Дарвин, ёлки, сказал как умею, без претензий

на научное признание... Взгляд, конечно, очень варварский, но вполне себе верный.

Так что мы ещё немного посмотрим, да. Подожду, пока сама Судьба не пригрозит зажатым в кулаке кастетом очередного страшного события...

Да и ребят я просто так бросить не могу, не по-людски это! Где-то на этаже здания хлопнула дверь. Тоненький вскрик, и внизу опять раздался тревожный цокот убегающего чемодана.

Оставшиеся в живых бегут неизвестно куда. А куда?

– Кстати, пульт-то надо найти!

Но сначала необходимо сообщить в полицию, теперь уж они точно на меня не свалят. Узнать, что-то понять, получить инструкции. Вступую я бегать не буду.

Схватив в номере старинную телефонную трубку цвета слоновой кости, я быстро понял, что ничего из этой затеи не выйдет. Выход в город только через коммутатор. На ресепшен никто не отвечал – небывалое дело! Там вообще круглосуточно два человека дежурят, а днём и по трое за стойкой маячат! Ресторан тоже молчит.

Остаётся сотовый.

Какой номер у туристической полиции? Ведь говорили же, и не раз! Не помню. Сто? Сто один? Вспомнив, я выдвинул из прикроватной тумбочки ящик и вытащил пачку проспектов отеля, в том числе памятки по юзанию комплекса. Нормальный русский человек начинает читать инструк-

ции только тогда, когда погружается в дерьмо по горло. Ага! Млять, зачем мне портовая полиция?! Туристическая где?! Или обычная, которая за НЛО гоняется. Пожарники... Бредятина какая-то!

Наконец, натыкавшись в экран до одури, я соединился.

– Минуточку, ваш звонок очень важен для нас! Ожидайте, – произнёс сексуальный девичий голос.

И бодрая музычка в ухо. Издеваются они, что ли? Я включил громкую связь, сел на кровать и положил смартфон на колени.

– Это полиция. Слушаю вас! – по-английски говорит баба, ура! И тут же она залопотала на эллинском.

– Нет, нет, пожалуйста, плиз инглиш! – заорал я, торопливо включая режим «в ухо». – Я не говорю по-гречески!

Баба опять раздражённо затараторила, потом выдала пару слов на дойче, на этом её лингвистические познания и закончились. Ну, зараза, калапаракала...

– Ты по-русски можешь говорить, курица драная?! – не выдержал я.

– Не могу, – неожиданно объявила она. – Не знать русский. Охи! Охи!

– Ну так позови кого-нибудь, кто знает хоть какой-то человеческий язык! Го-го! – больше я на туманно-альбионское не переходил, нет смысла.

– Маркос! Маркос!!! – заверещала та что есть мочи после короткой паузы, а потом в ухе что-то щёлкнуло, и я услышал

знакомое а-ля колл-центр:

– Минуточку, ваш звонок очень важен для нас! Ожидайте...

И опять бодрая музыка. Кошка ты драная! Нет, ребята-демократы, так мы и своей каши не сварим, и имеющуюся не разгребём. Я плюнул прямо на кафельный пол и замер в ожидании. А что ещё было делать?

Прыгнуть бы сейчас в «Панду» да рвануть к потрясающим рыжим слоистым утёсам Перуладеса, уходящим высоко-высоко в небо... Подкатить в Сидари к знаменитому Каналу Любви, побродить по лабиринтам шхер из песчаника, изрезанного ветром, пропотеть на узких серпантинах после Кассиопии, где чудесные фрагменты берега сменяются настолько стремительно, что и разглядеть не успеваешь. Задержаться в Калами, где жил знаменитый Джеральд Даррелл, а потом оторваться на автобане южной части острова, спеша к любимому Гарденосу.

Если бы это всё оказалось всего лишь страшным сном, клянусь – так бы и сделал.

Наконец на линии появился другой человек, женщина, представившийся лейтенантом Маркосом. Совершенно непригодную к произношению фамилию я забыл сразу же.

– У меня тут кучи трупов, лейтенант!

– Не волнуйтесь так. Правительство в Афинах делает всё возможное. Вы звоните из «Корфу Холидей Палас», Кано-ни?

– Да. Что мне делать?

– Готовиться к эвакуации, мистер! Поверьте, вам уже ничего не угрожает, это оружие было направлено прежде всего против греческого народа. Русские и прочие национальности практически не пострадали.

Он в своём уме? Дело было ночью, греческого персонала в гостинице было минимум, все спали по домам. И полный отель мёртвых европейцев! Или Финнеганы были урождёнными греками? Кстати, а какое такое оружие, химическое, биологическое?

– Вы телевизор не смотрели? – спросил он вместо ответа. – Правительство в Афинах делает всё возможное...

– Лейтенант, это что, война? – прервал я.

– Мы пока не знаем, – устало признал офицер. – Достоверной информации очень мало. Как и людей, на участке почти никого не осталось, ставим на посты кого можем. Так что... Не волнуйтесь, правительство...

– В Афинах, – подсказал я тихо. – Ты что, лейтенант, за дурака меня считаешь? Какое оружие, объясни?

– Генетическое, – непонятно ответил Маркос, и я заткнулся. – Э-э, мистер...

– Гош Санин.

– Спасибо. Вам нужно включить телевизор, Гош, и внимательно послушать новостные программы, многое станет понятным.

Бляха, чёртов пульт! Что-то я совсем растерялся.

А он продолжал:

– Мистер Санин, назовите своего туроператора. Мистер Санин, вы меня слышите?

Очнувшись, я отдельно и отчётливо произнёс название фирмы.

– Без паники! Просто ожидайте на месте, вскоре можете подходить на ресепшен. Представитель туроператора соберёт всех подопечных, за вами приедет автобус и отвезёт на аэродром, где сейчас формируются специальные эвакуационные рейсы.

Ага, так я тебе и поверил. И в мирное время до моего ленивого турпредставителя было не дозвониться, а сейчас разбежался он геройствовать, как же. Уже пятки смазал небось! Или вообще того...

Но спорить я не стал, спросив:

– А куда девать с трупы? Кто-то приедет для составления протоколов? Да и убрать бы надо, воздух прогревается, скоро будет очень жарко.

– Никто не приедет.

С ним не сладить.

– Маркос, мне нужен телефон вашего начальника.

– Не будь дураком, Санин! – строго прикрикнул на меня неожиданно разозлившийся грек. – Некому к тебе приезжать, ты понял? Если сможешь кого-то прибрать сам, то сделаешь богоугодное дело!

– А ваше МЧС?

– Что такое «Эмчээс», мистер?

– Министерство спасоопераций. Где они сидят, опять в Афинах?

– А... Ничего не слышал о таком министерстве. У нас есть армия, флот, полиция, есть пожарная охрана: государственная и частная, а также добровольная, по департаментам. Но у этих ребят очень большие потери.

Добровольная? Да, это вам не наше знаменитое суперведомство со своей авиацией и мобильными госпиталями. Знаменитая беззаботность греков и их лёгкое отношение к жизни теперь аукнулись на весь лес. Гром грянул, а креститься мужику нечем.

– То есть всё сам?

– Точно. Вот и отлично, ты, наверное, хороший парень, Санин... Про Афины больше не говорю, – горько усмехнулся Маркос. – И запиши номер моего стационарного телефона, на всякий случай. Обязательно посмотри телевизор, пока всё работает! Всё будет хорошо, специальный человек сейчас занимается поиском туроператоров.

– Я понял. Лейтенант, каков процент выживших?

– Процент? Сейчас сказать невозможно. Ясно одно: очень маленький.

Отбой, уф-ф...

Свой пульт я так и не нашёл и потому, наконец-то смекнув, просто забрал аналогичный из бунгало ирландцев.

Три белых кокона лежали в ряд, с узлами на голове. Имен-

но так опытные санитарочки, с годами привыкшие ко всему, закутывали в простыни моих соседей по палате, когда кто-нибудь из них умирал ночью. Потом девчата просили ходячих больных отвезти трупы в маленький больничный морг в подвале... За стоху медицинского спирта. Я тоже таскал. Страшное место. Страшное занятие.

Теперь надо подумать, где и как сделать могилы.

А заодно воспользоваться зомбоящиком, теперь это единственное средство массовой информации. Интернет, похоже, рубанулся конкретно.

Я вдавил нужную кнопку. Облом! Единственный русский канал не работал вообще, на экране светился синий квадрат, предлагающий ввести какой-то пароль.

Англоязычный канал CNN немного помог, жаль, продержался он недолго. Изображение дёргалось, застывало, звук постоянно запаздывал и часто пропадал. Основная идиотия картинки заключалась в том, что бегущая строка была бессодержательна относительно происходящего. Или девочки набивать не успевают... Там по-прежнему плыли курсы валют и акций со стрелками вниз, всякие там насдаги и шанхай-композицы...

Какой-то башковитый мужик медленно, размеренно, смакуя Свой Звёздный Час и социальную значимость Настоящего Учёного, рассказывал взбешённой ведущей, пытающейся нервно судить свисающий на лицо локон на место, примерно следующее:

– Есть некие научные работы, недоступные широкой публике... Например, в одном международном журнале года полтора назад была опубликована интереснейшая статья об экспериментах британских учёных над мушками-дрозофилами. Их кормили определённым трансгенным кормом, вместе с которым в организм попадал некий ингредиент, до времени спавший.

– Извините, мистер Сойер, у нас очень мало времени! Пфф! Не могли бы вы...

– Однако после включения кодового сигнала, а в данном эксперименте нами был использован лазерный импульс, ингредиент просыпался и начинал вырабатывать токсин... – Яйцеголовый мистер Сойер её не слушал и явно не собирался ускоряться.

У него, видите ли, профессиональный интерес! Дать бы тебе в глаз, дурачку. Ёлки, какой я злой, оказывается! Что-то слишком много агрессии. Может, всё-таки виски?

– ...а тот, в свою очередь, вызывал у мушек тревожное поведение – они трясли крыльями, метались, вели себя тревожно...

Ценная информация, спасибо тебе, добрый человек. На хрен мне твои дрозофилы? Ты пальцем ткни!

Через пару минут началась трансляция репортажей с мест в реальном времени.

Вот Лондон, его трудно не узнать. Беспорядки на какой-то центральной улице. Бегущие в панике люди, белых почти

нет. Полиция стреляет в воздух из боевого. Жиденькая цепочка у копов, скажу я вам. И вообще народу мало.

А вот настоящая жесть – большой чёрный джип на верёвках тащит по узкой улице двух мёртвых полицейских, из открытой форточкой высунулся арабского вида парень с большим мясницким топором... Что-то орёт про Аллаха. Пригтели змею на груди, доигрались бритты, пошла расплата.

Потом была Румыния, показывали какие-то сёла, плачущих бабушек... Ничего не понял.

О! Америка! В кадре мелькнул совершенно пустой Бруклинский мост, но изображение почти сразу слетело на несколько секунд, а после восстановления картинка говорящая женская голова на фоне карты США начала отчаянно кричать, что генетическое оружие применяется по всему миру и никто не может понять, кто начал первым.

Это полный шифер!

Я опять попробовал включить родную «Планету», что и в добрые-то дни шла без звука. За время моих блужданий по каналам кое-что изменилось, изображение появилось, но не двигалось. Перекошенный рот известной телеведущей неприятно застыл на полуслове, бегущая строка повисла внизу неподвижно. Можно было прочитать: «В том числе и курортные побережья Краснодарского края. Наше правительство в...»

– В Афинах, дура! – опять подсказал я со злостью. – Ну, давай, девочка, оживи! Что, мне поцеловать тебя надо? –

прошептал и зачем-то шарахнул пультом по кровати, хорошо, что там мягко. Нет, надо налить, без химического костыля не обойдусь, нервы сдают.

Сказано – сделано, запас в холодильнике всегда стоит. Немного полегчало.

Вскоре стало понятно, что в сетке телевидения постепенно остаются только греческие каналы, наступает самая задница. Ведь это то же самое, что слушать разговоры инопланетян. Лучше бы уж китайский транслировали, они хоть лицом другие... Албанский новостной канал, кстати, тоже вылетел.

Я обречённо сидел перед экраном, идиот идиотом, и честно пытался понять хоть что-нибудь.

– Калимера-калispera, вашу Машу... Эгей, переводчика давайте!

В простенькой студии несколько мужиков и одна баба – все в очках – за изогнутым столом вовсю тёрли за происходящее. Научники, скорее всего. Я опять уловил что-то про гадских мушек-дрозофил – любимая тема, похоже, – затем они вроде что-то сказали про лабораторные исследования в США и других странах, потом часто начала упоминаться Турция. Присутствующие в студии люди разом возбудились, начав говорить одновременно. Ага, наука заканчивается, начинается политика.

– Ой-ё-о...

Не, я тут просто время теряю.

Это мировая война. Война на уничтожение. Понятно, что кто-то применил и продолжает применять таинственное генетическое оружие, к чему мир оказался не готов. И процесс уже необратим, никто никому не верит. Уяснил и то, что по всей планете начались приграничные столкновения, сведение старых счётов с применением вооружения обычно-го, превентивно и в ответку.

В общем, все против всех.

Однако самое важное вот что: это генетическое, или бог его знает по правде какое оружие несовершенно настолько, что вышибает далеко не сто процентов. Некоторые представители национальностей и народностей выживают даже после целевого применения. Почему? Потому что средство до ума не довели, торопились. Аврал у авторов был, уж я-то хорошо знаю, что это такое... На многое пойдёшь, лишь бы успеть к сроку.

Интересно, кто Главный Провокатор?

Значит, и в России такая же хня творится. Правда, там есть МЧС.

Когти рвать надо, Егор.

И эвакуационный рейс «Аир Берлин» – не лучший выход. Что мне делать в Берлине, охваченном таким же хаосом, который я только что наблюдал на экране? Ещё посадят на каком-нибудь военном Рамштайне и после жёсткого допроса закинут в лагерь-отстойник, у немцев на этот счёт немалый опыт имеется.

Лететь в Афины? Ну да, там же правительство... Задница с другого профиля.

На родину надо пробираться.

И чем быстрее, тем лучше. «Трансаэро» за нами прилетит?

А лучше бы «Центроспас».

* * *

Сотовая связь обваливается на глазах, наверное, ретрансляторы слетают. Персонал умер.

Пара чёрточек в углу дисплея светится, а не цепляет. Пятый раз звоню в Норильск друзьям и ещё ни разу не соединился. Полчаса тыкаюсь, хватит уже. Буду пробовать позже. А пока работать пора!

Так, ребята. «Панду» к сектору бунгало не подогнать. Даже крошечный «Матис» не протиснется. Надо что-то придумывать. Искать какую-нибудь тележку? Типа больничной. Откуда ей тут взяться...

Дело в том, что поблизости могилы не выкопать, земля насыпная, слишком тонкий слой лежит на бетоне. Если выйти из сектора в противоположную от основного здания отеля сторону, то можно попасть на хитрую потаённую тропинку, идущую вниз по склону, траверзом. Партизанскую, грунтовую. Очень неофициальную, про неё из гостей отеля мало кто знает. Именно по ней, не желая лишний раз шлёпать в

жару мимо бассейнов к подъёмнику-тельферу, я частенько ходил на пляж, петляя на тропе между старых сосен. Там даже парочка уютных скамеек стоит для особо влюблённых. Романтическое место, всё для того имеется.

Вот только свободной земли нет. Склон и склон, сплошные переплетения корней.

Подходящее местечко есть ближе к выезду. На территорию отеля можно пройти либо через основное здание, либо обогнув его сбоку, выходя к сектору бунгало и суши-бару на берегу. Вот туда и надо доставить тела.

А что, если внаглую прорубиться на какой-нибудь машинёшке? И чёрт с ней, помну да и брошу после дела. Сходил я, примерился тщательно – нет, невозможно в принципе. Где взять подходящую каталку? И тут я вспомнил про двухъярусный агрегат, с которым местная гризетка закатывает в комнаты для уборки. Шестидесятых годов постройки, вещь неубиваемая, даже шарики бронзовые на трубках имеются. Резина литая, колеса мощные. Ну так она и грузит на неё – ого-го. Баночки, бутылочки со всякой моющей и чистящей химией, стопки полотенец. Телега что надо! Стоит она наверняка где-то поблизости, гризетка не будет каждый раз переть телегу от корпуса. Далеко.

– Здесь должен быть чулан, – решил я.

Нашёл достаточно быстро. Дверь не цифровая, замок жиденький. И правильно, кто сюда полезет... Чем вскрыть? У меня из инструмента – многопредметный «Викторинокс» и

крошечный нек-наиф на шнурке от «Колд Стил», я его на шее вместо амулета таскаю. Да это и есть амулет. Помогает вскрыть упаковку, нитку обрезать. Никто из прохожих не воспринимает его как ножик.

Подумав, выдрал из бордюра ближайшей к чулану тропинки большой продолговатый камень, песчаник или сланец, и начал долбашить им по замку. Страшно неудобно! Хорошо, что замок сопротивлялся такому натиску недолго.

Дверь распахнулась, я шагнул в сумрак и сразу выскочил наружу.

Уборщица-гречанка лежала внутри.

Может быть, она не успела на последний автобус. А может, жить ей было негде, тут втихушку порой и оставалась. Бляха, это перебор! Я вернулся в номер, налил вторую порцию, сразу после глотка вспомнив, что ещё ничего не ел. Так ведь свалюсь... Вытащив из холодильника палку сыровяленой колбасы, сразу откусил приличный кусок, а остальное положил в большой карман купальных трусов. Хорошо бы одеться пограмотней, кстати.

Через пять минут я освободил телегу, оценив как вполне пригодную, и сразу выкатил её на крытую галерею. Тут хорошо, всегда сквознячок, всегда прохладно... Никакого доброго инструмента, способного помочь в предстоящей операции, в кладовке не нашлось. Хитрые швабры, мётла-веники и много тряпья. Посмотрел на покойную. Чёрт...

– Прости, женщина. Честное слово, тебя я уже не потяну,

не хватит меня на всех. Мне бы своих, родных пристроить.

Тела к месту предполагаемого захоронения я перебросил достаточно быстро, даже сам не ожидал. Гадство, уже и сноровка появляется. А вот чем копать? Где в четырёхзвёздочном греческом санатории взять лопаты, а в придачу к ним – лом и добрый топор? Не подскажете?

Лопаты нашлись в подвальном помещении правого угла корпуса – туда вела бетонная лестница, замаскированная высокими кустами каких-то крупных красных цветов. Дальше всё происходило очень быстро: на моё счастье, я почти сразу обнаружил яму. По всей видимости, именно отсюда местные садовники вынимали грунт для озеленения территории. Ям было несколько, ирландцам досталась самая маленькая, чуть в отдалении от остальных. И земля хорошая, по-человечески получится. Не хочу рассказывать.

Луизу я положил в центре. Меж двух родных сердец.

Посмотрел – и затрясся.

Подышал глубоко, собрался с силами – и закопал ребят, воткнув сверху простейший самодельный крест.

Сел рядом и заревел в голос. Как семиклассник от несчастной любви. Падлы, что ж вы натворили! Накопленный стресс выплёскивался вместе с вязкими солёными слезами.

Ну что, посидел я, успокоился и встал.

Внутри – спокойная, литая такая чугунная злость. Сам пока не знаю, на кого.

Но кто-то огребёт. Точно.

До бунгало я так и не дошёл, услышав вдали знакомый звук прогревающихся двигателей Pratt & Whitney. Аэропорт ещё живёт! Лейтенант меня не обманул, внеплановый эвакуационный рейс готовится к взлёту, маневрирует по перрону или уже выруливает на рулѐжную дорожку.

– Это надо посмотреть, – решил я и отправился проверенным путём мимо Насоса на смотровую площадку.

В суши-баре никого не было, тишина. Трупов не видно, как и в пафосной кофейне чуть пониже. Обыскивать помещения я и не собирался, боясь наткнуться на зловреда (Насоса в любом состоянии), брать отсюда съестное – тем более.

Чудеса, да и только! Первый раз такое вижу: на стоянке практически не было машин! Нет, пяток малолитражек наберётся, это автомобили персонала заведений, которые не успели или не захотели сваливать вчера ночью. Раз не уехали до сих пор, то финиш владельцев очевиден.

Разрушения, причинённые владельцам-рестораторам свирепым ночным ураганом, оказались более серьёзными, чем показалось вчера: сорванные вместе со стойками тенты, вырванные ванты растяжек, перевёрнутые столики, разбитые стѐкла витрин и прилавков... Ничего себе ударило! Остановился возле большой старинной пушки тех далѐких времѐн, когда на остров десантировались ребята адмирала Ушакова. От русских пушек и их канониров возникло название по-

луострова Канони. Орудие поменьше стоит и на территории отеля.

Здесь я внимательно осмотрелся ещё раз – не видно ли последствий стрельбы НЛО, ничего не сгорело странным образом? Вроде бы нет. Хоть это хорошо, можно допустить, что тарелки палят исключительно в агрессивных полицейских. Не раздумывая больше, направился в «Ройал», как в самое удобное место, оттуда хорошо видно все рулёжки, ведущие к ВПП.

Откинув ногой два сломанных стула, прибитых ветром, уселся на диван возле самого края выступа, нависающего над обрывом, предварительно потрогав бархатистую поверхность. Сухая, солнце палит всюю. Жарко... А тента нет!

Где там самолёт?

Позади торопливо зацокали каблочки.

Я быстро развернулся, с изумлением глядя на подходящую Лилит. Вот уж не ожидал!

– Господи, Лилит, что ты тут делаешь?!

– Привет, Гош. Коктейль будешь? Холодильники пока работают.

Это сюрреализм какой-то. Коктейль... Никак не подходит это релаксирующее слово к окружающему бардаку. Глаза у девки красные, губы опухли, наревелась досыта.

– Ты серьёзно про коктейль? А чего не ушла? Спряталась?

– В самое тёмное место! Как в детстве пряталась в спальне от великана. – Лилит быстро кивнула два раза и нервно

хихикнула. – Мне некуда идти. Так принести? Для мохито всё готово. И фраппе можно сделать.

– Давай мохито! Покрепче. И фраппе тоже.

– Два?

– А давай всего по два.

Девушка ушла, а я, покачав вслед качающимися бёдрам головой – какие-то дикие ситуации начинаются! – вновь обратил свой взор на поле.

Боинг «Аир Берлин» буксируют от терминала.

Что-то там беспокойно как-то... Жаль, бинокля нет. Нездоровая обстановка на поле. Полицейская машина мигает сигналами, толпа стоит, волнуется. Ну да, догадаться несложно: всех немцев, желающих улететь с умирающего курорта на родину, борт взять просто не может. Поэтому народ ломится волной – какие там билеты, у кого локти острее, тот и влезет! Хорошо, что я в эту драку не полез.

А вот и второй самолёт, это уже «Эгейские авиалинии»! И тоже вокруг бурлит. Во там сейчас беспредел творится! Вторая полицейская машина подъехала, усмирять будут. Из подошедших друг за другом больших синих автобусов прямо на поле перед «эгейцем» вывалилась новая толпа потенциальных пассажиров, броуновское движение чёрных точек вокруг греческого самолёта усилилось.

– Гош, коктейли и фраппе.

– Спасибо, родная! Сколько с меня?

– Брось... Кого сейчас интересует деньги? Вон их сколько

валяется кругом, – Лилит неопределённо махнула рукой.

Девочка права. Какие деньги, зачем они нужны?

– И всё-таки, чего не убежала?

Лилит присела рядом, подтянув один мохито к себе.

– Смотри, люди улетают с острова... Те, кто выжил. Как думаешь, Гош, много выживших?

– Думаю, что совсем немного. Очень немного, – ответил я честно. – Иначе бы мы их уже увидели и услышали. Да и по косвенным признакам. Службы не работают, машины не ездят.

Девчонка согласно качнула накладными ресницами.

– Не уехала, потому что я албанка, а не гречанка. Зачем мне оставаться в Канони или в Керкире? Домой хочу, к родным.

– Туда? – понимающе спросил я, кивнув на синеющие вдали силуэты дальних гор, что хребтом тянулись вдоль берега на противоположной стороне пролива. – Так ведь и в Албании немногим лучше.

– Там родня, знакомые, там родина. Нет, ты немного не в ту сторону показываешь, – заулыбалась Лилит. – Это ещё греческий берег, Албания левей, вон в той стороне, её видно с побережья северной части Корфу.

– Да я знаю, видел ваш берег, – молвил я, вспомнив водафонские эсэмэски: «Добро пожаловать в Албанию!» – А здесь чего ждёшь?

– Друг должен подъехать на скутере. Его зовут Лука, и у

нас есть план.

Учись, салага! У сопливой албанской девчонки уже есть план, а у тебя – одни рефлексии и сплошные непонятки впереди.

– Не секрет?

– Никаких проблем, Гош! Посмотри вниз.

Перегнулся через широкие плоские перила.

– Видишь, сколько их там стоит? Как только приедет Лука, выберем себе какой-нибудь катерок покрасивее и поедem домой.

Я вытаращил глаза на ряд белоснежных судёнышек и подурачки почесал затылок.

– Вы что, умеете управлять таким катером?

– Разве это трудно? – искренне удивилась девушка. – Двигатели все одинаковы, на машине он стоит или на катере. Есть руль, есть направление, есть ориентиры. Держи выбранный курс и плыви себе, что тут сложного? Заправки имеются на каждом втором причале, а причалов по берегам почти столько же, сколько кафе. Заблудиться невозможно, везде таблички, надписи, иди себе вдоль берега... Это же не Атлантику переплывать.

Этот спич до глубины души потряс меня своей святой простотой!

Точно! А что тут сложного? Да в этих краях хрен где кусок по-настоящему дикого берега найдёшь, и так по всему Эгейскому морю! Берегом-берегом... А там и родное Чёрное

море. Я присмотрелся ещё раз к бесхозным катерам. Не... Слишком маленькие, пожалуй, мне бы чего побольше найти. И опять никаких проблем, их тут прорва! Замки-двери сломать? Заправиться без электричества? Да ё-мое, придумаю уж, как заправиться, и не такие технические проблемы в цехе решали.

Так, так... А навигация? Ага, ясно, нужны нормальные бумажные карты, а ещё что-то вроде специализированного GPS-планшета, пусть и без спутников, лишь бы старые треки остались в памяти. На пригодных судах они несомненно имеются.

Это не Атлантика, Егор, это огромная тёплая лужа, усыпанная островами, курортами, городками, посёлками, отелями и портами. По трекам опытных людей как-нибудь доберёмся!

Спасибо тебе, девочка, подтолкнула! Разбудила, можно сказать. Вроде бы всё очевидно, а вот без толчка не торкнуло.

Я приподнялся и смачно чмокнул Лилит в щеку.

– Надеюсь, твой Лука меня за это не зарежет кривым албанским ножом?

– Что ты! Он музыкант, очень хороший гитарист, играл в баре в Керкире. Творческий человек, его все любят. Знаешь, он немного помешан на своей музыке, порой мне даже кажется, что Лука свой «Фендер» любит больше, чем меня... Кстати, Гош, у тебя прямо между ног зверь растёт! – рассмеялась она.

– Что? Какой зверь? А! Да не, это колбаса! – засмушался я, краснея, как рак. Торопливо вытащил из кармана и небрежно бросил на стол кусок сыровяленой палки, надкусанной с обоих концов. Ну, ты баран... Стыдобища.

Девка хохотала вовсю. Желая срезать тему, я залепетал:

– Насчёт Луки. Ерунда, это тебе только кажется. Разве может какой-то «Фендер» конкурировать с такой красотой.

Лилит вздохнула, вспыхнув лёгким румянцем, и поднялась.

– Ещё фραπε принесу. Холоднющего! Ой, Гош, смотри, самолёт!

Я быстро глянул на поле.

Первый «Боинг» уже стоял на ВПП, разгоняя двигатели до максимальных оборотов. Ага, начал разбег... Уверенно пошёл. Самолёт «Эгейских авиалиний», наконец-то отбитый полицейскими от тех паксов, что не успели пробраться в салон, двигался по рулёмке. Друг за другом будут взлетать, в нашу сторону. Еще три пассажирских авиалайнера стояли в стороне, но там пока никакого движения нет.

– Не туда, Гош! Приземляется!

Я повернул голову и обмер.

Посадочные фары заходившего на посадку с глубокого виража «Аэробуса» горели уже совсем близко, рёв двигателей резко усиливался. Откуда он вообще взялся?!

Почти вытащив из кармана смартфон, я разжал кисть: хитрая программа больше не поможет, не подскажет, нет се-

ти, накрылась. У них там что, радики не работают? И РЛС на горе вышибло?

Лайнер «Эйр Франс» и близко не придерживался установленной глиссады. Вынырнув на малой высоте из-за горы со стороны столицы, он появился совершенно неожиданно.

– Ты что делаешь, придурок, уходи! – заорал я, вскакивая. Холодный фраппе пролился на купальные трусы.

Лилит громко вскрикнула, но её голоса почти не было слышно, слишком много работающих двигателей рядом.

«Какая-то нештатная ситуация на борту, – подумал я. – Например, пилоты умерли в полёте от воздействия генетического оружия, а среди пассажиров нашёлся какой-то храбрец. Набил руку на авиасимуляторе и теперь решил попробовать сесть куда и как получится. Любым способом, терять нечего».

Представить невозможно, что почувствовал капитан взлетающего «берлинца», внезапно увидев перед собой самолёт, идущий буквально на таран!

«Боинг» уже оторвался от полосы, начав резкий набор высоты, и мне стало понятно, что столкновение неизбежно. Пилот французского «арбуза» каким-то чудом умудрился не промахнуться и вовремя развернуть машину, целя почти точно на ВПП.

Две огромные белые птицы неслись навстречу друг другу. Не знаю, как это произошло: двигатель ли у «Боинга» отказал либо командир воздушного судна специально прибрал

мощность двигателя, замедляя набор высоты и слегка снижая скорость, – взлетающий лайнер провалился чуть ниже, и борта разошлись буквально в метре по высоте, так показалось! Огромный киль «берлинца» едва не чиркнул по брюху садящегося самолёта. Теперь «Аир Берлин» шёл прямо на Мышинный остров!

«В церквушку и врежется, – пронеслось в голове. – Символ».

Если когда-нибудь эта каша рассосётся...

Если когда-нибудь над нашей многострадальной планетой опять начнут летать тяжёлые пассажирские авиалайнеры, то я буду пользоваться исключительно услугами немецких авиакомпаний.

Страшный рёв разорвал пространство, казалось, двигатели джета сейчас взорвутся, а крылья отвалятся от перегрузки. Первый пилот, наверное, ужом крутился, стараясь не свалить самолёт и успеть набрать хоть капельку высоты.

Миг – и «Аир Берлин» пронёсся, едва не задев крест маленькой часовни!

– Инфаркт, – констатировал я.

Когда-нибудь очередной монах поставит там ещё более высокий крест. Ибо пронесло.

Немецкий борт полого шёл над морем.

Я буквально видел, как второй пилот, взяв управление на себя, остекленевшими от ужаса глазами смотрит на линию морского горизонта и дрожащими руками осторожно застав-

ляет обалдевший от нагрузки самолёт постепенно набирать высоту. Именно постепенно, словно боясь обидеть железную птицу, спугнуть удачу.

Тем временем француз обречённо заходил на посадку.

Плохо он заходил.

На ВПП не менее обречённо стоял лайнер «Эгейских авиалиний» – как мишень.

Вот нос греческой машины дрогнул и начал уходить в сторону – пилот катился вперёд, пытаясь успеть добраться до рулётной дорожки и убрать лайнер с опасной траектории.

Это ему не удалось.

Надо отдать должное греческим пожарным – одна машина сразу вновь замигала сигналами, включила сирену, которую было невозможно расслышать в этом суммарном грохоте, и рванулась вперёд. За ней было дёрнулась и полицейская машина, но остановилась.

«Эйр Франс», пропустив под собой самые дальние чёрные полосы былых торможений, сел поздно и криво, снося хрустальные фонари огней, установленных вдоль ВПП... Ближе к концу полосы машину вдруг начало разворачивать и пару секунд несло боком прямо на готовящийся к взлёту самолёт. Левое крыло отвалилось, расплёскивая по бетону авиатопливо, «Эйр Франс» начал переворачиваться.

Удар! «Эгейца» резко откинуло в сторону, и тут раздался взрыв чудовищной силы, горючего в готовом к долгому полёту авиалайнере было предостаточно...

Прогремел мощный взрыв, огромный огненный шар поднялся над аэродромом, поглотив оба самолёта, а заодно и машину храбрых пожарных.

Всё, полёты в аэропорту Каподистриас закончены. Может быть, навсегда.

Посмотрел на часы: всего лишь два пополудни.

На сколько лет я сегодня постарею?

– Выбирайте катер, Лилит, – сказал я, обнимая бьющуюся в истерике девушку за плечи. – И как можно быстрее.

Глава 3

Обретение сил и средств. У Егора Санина стремительно меняются взгляды и появляется опыт.

Дурной день и не думал заканчиваться.

По горячке я захотел спуститься вниз и срочно осмотреть представленные на выбор бесхозные суда, стоящие возле причала набережной и вдоль маленькой дамбы, ведущей к Влахерне. Хорошо, что работоспособности мозгов пока хватает, чтобы сообразить: есть дела более насущные.

Собираться надо. Вообще-то неплохо бы пожрать... А, ладно! Перетерпится, успею сбежать на второй этаж, все не схряпают. Некому.

А пока – сесть, спокойно прикинуть, что нужно взять из своего, а чего добыть в отеле, собрать в чемодан и стянуть в воровские узлы, погрузить в верную «Панду» и поехать искать временное пристанище – здесь вскоре будет очень плохо. Жара делает своё дело, неубранные тела начнут разлагаться... МЧС, как я понял, у них нет, никто не будет системно заниматься захоронением. Эпидемическая обстановка ожидается чудовищная.

Корфу, вообще-то, на поверку достаточно тесный остров. По первому впечатлению вроде и не маленький, но место для пикника просто так не найдёшь, постараться надо, по-

искать. Если эта генетика ударила прежде всего по грекам, как утверждал лейтенант Маркос, то хреново будет по всему острову, населёнка здесь достаточно плотная.

Разве что на юге временно осесть, в сельскохозяйственных районах, где туристов и обслуживающего персонала поменьше? Хорошо бы тебе, Санин, прикинуть, а ты куда хочешь дёрнуть? В Россию, что тут думать, во всей Европе тесно.

Помнится, читал я, как в середине четырнадцатого века началось самое страшное нашествие чумы на Европу. За триста лет эпидемий в странах Старого Света болезнь унесла в могилу в общей сложности семьдесят пять миллионов человеческих жизней. Многие считают, что зарождалась чума в южных тёплых странах, где климат способствовал быстрому гниению мясных продуктов, овощей, фруктов, да и просто отбросов, в которых копались нищие, бродячие собаки и, конечно, крысы. Пандемия летела из города в город, из страны в страну. А существовавшая в те времена антисанитария способствовала быстрому распространению болезни.

Начинаешь складывать два плюс два, и что-то проясняется.

Я уже несколько раз прокручивал тему в голове, пытаюсь смоделировать ближайшее будущее. Фоном думалось постоянно, как же иначе. И когда таскал, и когда хоронил.

Маркос сказал, что генетика применяется только против греков.

А я вот вижу совершенно другое – эта зараза косит всех подряд, задевая и другие национальности! Если это мировая война, то греки тут сбоку. Допустить, что кто-то вдруг применил такую страшную новацию только против безобидной Греции? С какого перепуга? Нет, братцы, всё не так... Да и телевизор успел показать другое. Оружие применяется многими, потому война и мировая, потому и репортажи со всех мест одинаковы. И тем не менее никому не мешающих греков учли! Скорее всего, турки.

Значит, немец в Германии с гарантией не отсидится, как и англичанин в Британии.

России, скорее всего, тоже досталось.

И это оружие какое-то время ещё будет применяться, пока найдётся, кому его применять... Ну а что, за время плавания страны, глядишь, и биться перестанут за падежом бойцов. Авось и пронесет, не получу на родине своей дозы гадской химии!

Выжившие греки попробуют сами справиться с проблемой? Ну-ну. Хотелось бы верить, конечно... Я что-то не вижу грузовых машин для вывоза трупов, как и похоронных команд. Не вижу действий образованного Штаба, не слышу пронзительного воя сирен, по улице не проезжают патрульные машины с громкоговорителями. А уж с эпидемией! При обрушенной медицине, фармакологии и санэпиднадзоре, при отсутствии научных центров? Извините, греки, но я что-то на вас не надеюсь.

Простейшая сангигиена и своевременное захоронение может помочь. Только вот со дня на день, если это не вопрос часов, отключится водопровод, и вся сангигиена закончится, ходи во двор. С водой на Корфу плохо, как и на всех греческих островах. Она на острове опреснённая, жёсткая, с неприятным привкусом соли, пить её нельзя. Многие отели сами опресняют воду для постояльцев. Если варить на такой воде чай или кофе, то сразу чувствуется, я использую только бутилированную. Мыться такой водой можно, она пресная, только волосы от неё становятся жестковаты, и ничего с этим не поделаешь. На Корфу практически нет промышленных источников пресной воды, это вам не Кавказ, горных речек не найдёшь, лишь достаточно редкие ключи. А вся питьевая вода привозная, с материка.

Никаких новых поставок, как я понимаю, не предвидится.

Когда такая катастрофа происходит в местах большого скопления людей, на густозаселённых территориях или в городах-миллионниках, то запасы бутилированной воды иссякнут в течение недели, какими бы большими они ни казались вам на полках магазинов. Это только кажется, что её много, торговец не станет создавать мёртвый запас, ему проще по необходимости подвезти новое. Без воды же справиться с болезнями остаткам властных структур будет невозможно.

Много пока непоняток, ох много...

С утра погода стала синусоидная: дождь – солнце – дождь

– ветер. А сейчас – как на заказ, тихо, солнечно, просто мечта курортника. Издевательство!

Только начал собираться, бросив чемодан на кровать, как вновь выскочил на лужайку, услышав далёкий гул в небе. Совершенно непривычный.

Я задрал голову.

С севера, со стороны материка, к Корфу подходил строй тяжёлых самолётов, идущих на большой высоте, инверсионные следы тянулись ровно, почти не размываясь. Значит, ветра на эшелоне практически нет.

Кто в небесах строем ходит? Не «Трансаэро» же.

– Стратеги, – прошептал я. – Фига себе!

И никто другой. Американские стратегические бомбардировщики «Боинг Б-52» «Стратофортресс» («Стратосферная крепость») – сверхдальние межконтинентальные стратегические бомбардировщики-ракетоносцы. Бомбардировщик разрабатывали, в частности, для того, чтобы он мог доставить две термоядерные авиабомбы до любой точки России.

Что за модификация и какое оружие они могут нести, я не знаю. Я больше про красивый одноимённый коктейль могу рассказать. Тот, что не смешивают, а составляют, или, как говорят американцы – «строят». Три слоя наливают по ложке, не допуская смешивания: кофейный ликер, сливочный и апельсиновый. Потом «Б-52» поджигает с помощью зубочистки, с зажигалкой лучше не лезть... После того как заго-

рится, пихаешь трубочку и резко выпиваешь, ощущая в последних каплях привкус пламени. Ну, это для мальчиков, я и без поджига справляюсь.

Бомберы – точно зажгут.

Тут никаким сухопутным «Бондстилом» и не пахнет, стратеги наверняка пришли с «Рамштайна».

Восемь двигателей, чудовищная суммарная мощь, очевидцы утверждают, что они оставляют за собой инверсионный след шириной со стадион. Но и с земли впечатляет...

Три звена по три машины.

Много это? Да обалдеть, как много! Каждый из таких крылатых убийц в одиночку способен уничтожить крупный город!

И идут эти «Б-52» не на Россию, это точно.

Высоко летят. Один самолёт, пожалуй, я и не услышал бы. А тут целая стая карателей.

Почти прямо над островом строй начал плавный разворот на юго-запад.

– На кого вы, орлы такие, собрались охотиться? На арабов? Или таки на персов?

Если англичане или немцы определили, что по ним применили генетику со стороны какой-то конкретной страны, то вот и ответ. Куда конкретно – на Саудовскую Аравию, Иран? На Иорданию? Неужели европейцы прозрели, увидев реальные, а не вымышленные угрозы, неужели пошла взаправдашняя *real politic*? Впрочем, чего я голову ломаю, теперь уже

не важно, куда именно летят бомберы... Несомненно одно: стратеги в бомболоуках и на пилонах не мармеладки несут. Как вариант, ударят той же генетикой, специализированной. Распылят в атмосфере, да и хана народу.

Вот же бесовщина, неужели эти идиотские разговоры про химтрейлы имели под собой реальную почву? Читал, читал... Химтрейлы, они же химиотрассы, по убеждению сторонников заговоров, есть инструмент депопуляции. Оставленные злодеями загадочные следы в небе – это якобы распыляемые обычными самолётами аэрозоли. Некоторые умники утверждают, что распыление идёт с середины нулевых – в США и большинстве стран Европы. А с недавних пор якобы появились факты о распылении химтрейлов и над Россией. Как отличить? Инверсионный след размывается в воздухе за десяток минут, а аэрозольный распыл держится несколько часов, растекаясь и превращаясь в перистые облака. По легенде, установки монтируют на пассажирских джетах, как правило, принадлежащих американским авиакомпаниям. Типа правительство США обязало их негласно распылять вещества над территориями государств, где проходят рейсы. У химтрейльщиков сомнений нет: таинственные организаторы хотят глобально сократить численность населения планеты.

Я никогда не был сторонником подобной хрени и всегда посмеивался над нелепыми страхами.

Однако сейчас, находясь под смертной тенью, смеяться

как-то не хочется.

– Почему нет? Очень удобно, особенно ночью.

Авиадвижение над Европой бешеное. Достаточно запустить программу «Флайтрадар» и посмотреть, сколько самолётов пролетает над любой точкой континента. А видишь реально лишь единицы. Ну да, если ночью или через облачность, так вообще незаметно.

– Да не, бредятина!

«Никакая не бредятина! А самый рациональный способ доставки новейшего оружия. Доступный любой, даже самой задрипанной стране, у которой есть всего-то несколько гражданских бортов. Запах чувствовал? Вот и думай».

Я потряс головой. Генетика... Да они сейчас припрятанными ядерными зарядами так шарахнут, что любое генетическое оружие покажется сладким дезодорантом! Паникую... Вообще-то ядерное оружие давно под запретом, все страны мира официально отказались, подписав Конвенцию.

Строй крылатых убийц ушёл, следы небесные начали размываться.

Глубоко вдохнул: нет ли запаха в воздухе? Вроде нет, кому эта Греция нужна... Так ведь нужна оказалась! И никого, кроме турок, заподозрить в нанесении удара у меня не получается. «Вот потому и не используются авиабазы НАТО в Турции! – осенило меня. – Точно, с «Рамштайна» запустили, всё сходится!» Значит, и Турции достанется по самые помидоры.

Всем достанется, доигрались.

Вода из крана пока льётся, хорошо... Быстро сполоснулся под душем, потом на всякий случай начал наполнять ванну. Пусть будет. Жить здесь нельзя, но вода пока пусть будет. Потом вышел на лужайку и, сев на привычное, почти родное место, покосился в сторону бунгало соседки. Её я тоже закутал, уложив на кровать. После чего включил кондиционер на полную мощность, наглухо закрыл шторы, стеклянную дверь и глухие ставни. Так и жужжит. Умно это или глупо – сделал и сделал.

Вспомнив про телевизор, включил. CNN пока работал, правда, звука уже не было.

Транслировали исключительно прямые репортажи из разных стран мира. И везде одно и то же, разве что у кого-то порядка побольше, а где-то его нет в принципе. Смертность везде поистине чудовищная, судя по цифрам в бегущей строке. Но в США и Германии, к примеру, проводят массовые захоронения, открывают большие лагеря для эвакуированных и беженцев, пытаются удержать инфраструктуру. Во Франции и Бельгии сложнее: на фоне происходящего начались межэтнические столкновения, повальная растерянность. В Азии – реальный кошмар, каждый сам за себя, люди просто обезумели. Кроме прочего, на экране то и дело мелькали силуэты военных кораблей на горизонте, истребителей в небе, какие-то взрывы...

Репортажи былой полнотой не отличались, съёмки велись

на «как получится». Естественно, корреспондентов становится всё меньше и меньше.

Почти собрав чемодан, я понял, что устал и проголодался капитально, тяжело терпеть. Неплохо бы всё же сходить в столовую, как я упрямо называю главный ресторан отеля. Пора пошмонать по закромам.

Вышел из бунгало если не беззаботно – как тут будешь беззаботным, – а несколько расслабленно. И это была едва ли не роковая ошибка, которая стала полезным уроком на все последующие дни. Не расслабляйся, Санин!

Чуть не влип! Или влип...

Уже спускаясь по ступеням к пустому бассейну, я услышал какую-то возню в баре. Шумную, грубую, беспардонную, как сказала бы моя бабушка. Стоп! Присмотрелся. Опана! Да это два моих дружка-пирожка, немчура полотенчатая!

Сразу смыться я почему-то не догадался, продолжая пялиться. Немцы тем временем, никого не опасаясь, азартно взламывали шкафы бара, один за другим. Нормально! Как быстро апокалипсис отпустил у них тормоза! Вот тут бы и призадуматься...

В отличие от меня, бундесы были уже экипированы. Оба в просторных полотняных штанах, в лёгких рубашках с закатанными по локоть рукавами, в светлой трекинговой обуви, никаких розовых маек. Самое же главное было вот в чём: оба недруга вооружены! Добравшись до кухни отеля, они выбрали там самое впечатляющее: огромные поварские ножи-ше-

фы с длиной клинка сантиметров в тридцать пять. Мать моя родная... Даже примитивные чехлы сконструировали! Стенки – что-то типа плотного картона, сверху обмотка простым скотчем, подвесы через плечо.

Я моментально почувствовал себя голым в джунглях.

Возникло какое-то паскудное чувство, словно у пограничника на реке Буг утром двадцать второго июня. Быстро с них цивилизационная амальгама облетает, очень быстро...

Именно тогда в моей голова начала разрушаться распространённая среди многих жителей России, да и не только России, мифологема: старенькая Европа уже находится при смерти, сами европейцы оплыли жиром, одряхлели, перестали трезво смотреть на законы бытия, опустили ручки и ни на что не способны! Спасовали они перед лицом радужных тенденций, экспансии ислама и быстрого замещения коренного европейского населения лицами пришлых национальностей.

Ошибочный вывод настолько часто высмеивался, где только можно, что сам собой превратился в непреложную истину: всё, списываем европейцев по акту, отталкиваем на обочину истории. Скоро над континентом восстанет Мечеть Парижской Богоматери! С однополыми семьями безропотных рабов.

То, что я сейчас увидел, свидетельствовало об обратном.

Рядом с нетрами-мародёрами стояли две большие решётчатые тележки, куда они неспешно складывали добытое.

Мне бы спрятаться, а я словно остолебенел от удивления.

Белобрысый орудовал энергичней. Чем-то вроде маленькой фомки он быстро вскрывал очередное хранилище, осматривал, доставал. Много и вскрывать не надо было: запорчики для вида, всё заточено под честных людей. Чернявый одной рукой бережно укладывал добычу в тележку.

Я почти сразу обратил внимание, что левая рука у него не в порядке, безвольно висит вдоль тела, немец постоянно дотрагивался до неё, энергично разминая бицепс. И скрученный бинт висит петлёй на шее... Плечо отсушил где-то? А что же тогда на перевязи не держит? Да потому что оживить пытается, разрабатывает. Нет, тут что-то другое. Нечто подобное я видел у человека с парализованной после инсульта конечностью. Ну, вряд ли у такого молодого кабана будет инсульт.

«Ты слишком долго собирался идти бомбить столовку, Гош, а столовки долго ждать не любят, они сдаются наиболее голодному, – промелькнула горькая мысль. – Меньше глазеть надо было, а больше делать».

Ведут себя как чистые альфы! Ни полиции не боятся, ни хозяев!

Значит, немцы отель уже облазили и всё разведали, ситуацию представляют чётко. А я даже на ресепшен ни разу не был!

Стоял я, глазел и доглазелся...

Чернявый оглянулся в порядке «на всякий случай» и сразу засёк наблюдателя.

Резко выпрямившись, он гортанно выкрикнул:

– Макс! – и что-то быстро затараторил уже тише, показывая на меня здоровой рукой.

Белобрысый тоже повернулся в мою сторону и очень нехорошо улыбнулся.

Затем, картинно бросив красную фомку на пол, спокойно вытер руки взятым с лёгкого столика полотенцем. Нехорошо он смотрит. Поджатые губы. Короткая стрижка ёжиком, а в чуть поблекших серо-голубых глазах чёрт знает откуда взявшееся космическое спокойствие и невероятная уверенность в себе. Ни за что не скажешь, что перед тобой нетр! Чисто немецко-фашистский оккупант в первые месяцы войны.

Чернявый же своими тупыми глазами смотрел бесхитростно, с предельной честностью – то есть с животной ненавистью.

Сколько же в них это спало?

Люди, десятилетиями привычно подчиняясь мейнстриму новых европейских ценностей типа мультикультурализма, беспредельной толерантности и всепрощенчеству, сознательно или подсознательно держали в себе что-то генетически корневое, то, что некогда придавало жизни пассионарные смыслы, что вело их предков за тридевять земель воевать самого дальнего соседа. Сдерживались, терпели, постоянно занимаясь аутотренингом, толерантно улыбались каждому встречному негру, турку или арабу, инерционно верили, что всё зло – в непослушных сербах и русских. Уговари-

вали друг друга, что всё вокруг зашибись, европаровоз стоит на правильном пути, а растущее на атеистическом поле количество мечетей – культурная норма, признак некоего обновления...

Да так с ума сойти можно! Не в том ли кроются причины внезапных всплесков самоубийств вполне благополучных людей в сытых европейских странах, о которых периодически вспоминает пресса как о необъяснимых явлениях?

Ну, немцы, в другое время я бы за вас только порадовался...

Кричать привычное «Сталинград!» что-то не потянуло.

Самое правильное действие – тут же смыться. Честно говоря, именно эта мысль первой и пришла в голову. Сдерживала гордость, та самая дама, что не даёт оскотиниться, но вполне может привести к летальному финалу. Сам же всё мечтал с ними похлестаться, задирался постоянно, на коне перед строем скакал! И вот он, случай – воюй!

А что-то не хочется...

Глядя на такие тесаки – очень не хочется.

Плохо то, что, судя по всему, придётся.

– Эй, русский! Иди сюда! Ты хотел войны? Давай, мы готовы, ха-ха!

Я вытянул руку с плотно сложенной фигой и крикнул в ответ по-нашенски:

– Ага! Нашёл дурака! Жди дальше!

– Рупрехт, он боится!

Немцы дружно заржали и медленно пошли в мою сторону, всем видом показывая: «Ну попрыгай, попрыгай! Покажи клоуна, у тебя ещё есть пара минут».

Нет, братцы, так дело не пойдёт! У меня только крохотулечный нек-найф висит, я что, им отбиваться буду от почти боевого холодного оружия? Это же чисто саксы!

Отскочив по бетонным ступенькам на самый верх пролёта, я начал судорожно оглядываться, одновременно силясь вспомнить – не видел ли поблизости чего-нибудь подходящего? Только метла вспомнилась, падла! Красного цвета высокотехнологичная метла «жим-жим» с тонкой пластиковой ручкой, общим весом в тридцать граммов! Дверь в чулан уборщицы открыта, хватай, обороняйся, Гош...

Холодный страх прокатился по телу, я моментально покрылся липким потом.

Что делать?! Шли секунды.

Внизу за кустами ограждения лестницы всё ближе топали трекинговые ботинки наступающих. Вроде бы и не по чему там топать: бетонные плиты, часть которых покрыта крупной плиткой, мягкие подошвы... Но я слышал этот топот, словно это были дембельские подкованные сапоги, с искрами цокающие по асфальту. Слышал так, как слышали тяжёлый топот подходящей монгольской конницы русские бойцы на Калке.

Растяжки! Куст свежесажженный видишь?! Три поддерживающих растение тросика были разведены на газоне в разные стороны и с натяжкой привязаны к вбитым в землю

кускам арматуры. Нагнулся и резко дёрнул – кислое дело, быстро не выну!

Беги, чего стоишь! Сорвав со стойки навесную пластмассовую корзину с мусором, куда я, не дожидаясь горничной, любил относить пустые бутылки, швырнул её вниз по лестнице, может, хоть споткнётся кто из гадов...

Пока бежал на следующую лестницу, понял, что слово «арматура» уже прочно засело в голове. Как выход, как решение.

Вспомнил!

Местные завхозы очень долго собирались бетонировать край разрушенного поребрика, это совсем рядом со входом в коридор моего ряда. Очень долго собирались... Как-то утром я увидел, что один из штырей, сделанных из той же арматуры, валяется в стороне: наиболее нервный из гостей пнул по пьяни, надоело смотреть! Греки порядок навели быстро – штырь убрали, заодно вытащив и второй, пострадавший. Два оставшихся торчали из земли. На живулине. Лить бетон никто так и не собрался. Очень неторопливый народ.

В Корфу-таун, как ещё называют Керкиру, есть райончик с домами, разрушенными ещё при налётах гитлеровских бомбардировщиков – так до сих пор и не восстановили.

Шаги звучали всё ближе. Немцы шли неторопливо. Сбегу в сторону выхода из гостиницы? Отпразднуют победу, поминая русского труса.

Оба штыря я вытащил в одно мгновение.

И здесь халтура! У нас затачивают по-человечески, в четыре грани, на заточном, всё солидно – здесь же просто обрезают накосом болгаркой!

Вот они, сволочи! Ножи в руках у обоих.

И страшные улыбки прирождённых убийц. Господи, да вы хоть лягушку убили в своей жизни, откуда всё это?! Не истери, Гош, кто знает, может, они в детстве втихую кошек четверговали...

Забежав за тележку, на которой я возил тела и которую прикатил обратно на место, рассчитывая на ней же упереть и весь возможный багаж, с силой толкнул её по ступеням. В кино это срабатывает. Сделай так мушкетёр или ковбой Джо, тележка собрала бы в себя целую связку негодяев!

Оказывается, я не мушкетёр и не ковбой.

Татуированный Рупрехт ногой мощно отпихнул тележку в сторону.

Пришла пора! Я, резко размахнувшись, швырнул в них один из штырей. Тевтонский строй было дрогнул, только им даже пригнуться не пришлось – прицел, сука, сбился, первый драгоценный снаряд пролетел мимо, выше голов. Мазила!

Адреналин буквально душил, мешая целиться. Быстрее!

Следующий заострённый кусок железа пошёл гораздо удачней.

Вот тут уж строй остановился!

Остриё не пригодилось, кина не вышло... И даже тупым концом железяка не ткнула, метатель хренов! Арматурина ударила по груди, а заодно и по больной руке Рупрехта плашмя, но это было крепко! Я честно метнул, что есть силы – в такие минуты всё делаешь от души. Немец громко заорал, матерясь по-своему. Он выпустил из здоровой руки тесак и схватился за грудь, после чего болезненно согнулся, продолжая ругаться.

– Рупрехт! – закричал его друг, нагибаясь к товарищу. Тот, продолжая стонать, лишь торопливо махнул тыльной стороной кисти вверх: лови его!

А теперь погнали!

Одновременно с рывком Макса по ступенькам я вдарил что есть мочи по пустому бетонному коридору. Теперь глухо топали мои тапки. Мимо пролетали двери бунгало с номерами-табличками. Мелькнуло и родное «Би-элевен», дверь приоткрыта. Что ж, давайте побегаем! Бегаю я хорошо, далеко и долго, даже после разгульно-курортного режима, хрен ты меня догонишь, я возле бассейна сутками не валялся!

Коридор закончился быстро, как и бетон под ногами, – вот он, лесистый обрыв.

Вряд ли они что-то знают об этой тропинке. Возле бассейна каждую плиту покрытия запомнили, особенности каждого лежака. Ну и в тренажёрном зале, поди, каждый снаряд изучили до трещинки в пористых насадках рукоятей... Здесь же они не бывали, ленились, на солнце жарились. Это я, со

своим любопытством и извечной русской привычкой лезть куда не просят, изучил в окрестностях каждую тропинку.

Не сумев взять меня на спурте, Макс бежал тяжело. Я на миг оглянулся – ну и страшно же мужик выглядит с большим ножом и такой рожей!

– Ма-акс! – раздалось позади.

Гляди-ка, покалеченный тоже сюда спешит, уж как может! Бойся оставить друга один на один с непредсказуемым русским.

Настал момент, когда эта первобытная схватка меня завела. Русские идут! Десантники адмирала Ушакова! Иногда они возвращаются.

Страх почти пропал, адреналин впрыскивался в норму, дыхание – ровное. В душе проснулось что-то древнее, дикое, безрассудно-яростное. Все эти минуты меня не покидало чувство полного нереала: в классном курортном отеле сошедшие с ума мужчины бьются насмерть самыми варварскими способами! Охренеть!

Плохо, что обувь не совсем подходящая. «Экковские» сандалии удобные, конечно, мягкие, ходить в них можно долго и без усталости... А вот пнуть в брюхо никак не получится! И вообще – одет я как пошлый курортник! Гош, ты осознал, что происходит? Почему спал, чего ждал? Повального коммунизма и всеобщей благодати?

Вылетев на грунтовую тропиночку, траверзом извивающуюся по склону, я сразу повернул налево. В принципе, мог

рвануть вниз, на пляж, и тогда попробуйте, поймайте меня на берегу! Но бойцовский инстинкт уже делал своё дело – надо драться!

Вот только чем?

Возле второй развилки я нырнул под сук, отходящий от сосны почти параллельно земле. Отполированный, гладкий. Тут вообще все стволы отполированы. Деревья большие, старые, за десятилетия сексуально озабоченные парочки обтёрли в хитрых позах всю древесину вокруг. Один раз даже видел такие эволюции.

Спрятавшись в зелени куста, я замер. О! Палка какая-то! Вот зараза, деревяшка была выгнута почти буквой «Г», крепко врезать такой не получится. Что ж мне не везёт-то так! И всё равно не убежал, слишком долго эти фрицы глаза мозолили. Не только у вас, камрады, планку срубило и заклёпки сорвало, ещё и про Суорд-Бич напомним, за деда Тони! Я тоже не из ваты сделан!

Макс, выскочив вслед за мной, как я и предполагал, ошибся, побежав по короткой тропинке прямо, где на небольшом пяточке стоит первая интим-скамейка. Кстати, бегать там не рекомендуется, можно не удержаться и рухнуть вниз, места для торможения практически нет, площадка покатаая, а после дождя скользкая.

Покрутившись там, конопатый нетр что-то быстро крикнул своему дружку – такой судорожный немецкий язык, да на высоких скоростях, я не понимаю, не успеваю! После чего

осмотрелся, быстро нашёл правильный путь, побежав в мою сторону.

И остановился почти прямо передо мной, обдав облаком дорогого парфюма. Ещё бы – опять развилка, решать надо!

Там стоит вторая скамейка, только отсюда её не видно.

«Где решил спрятаться этот русский, куда он побежал?»
– Я прямо читал его кипящие мысли.

Макс подумал и совершил немыслимое, я офонарел!

Немец пригнулся к земле, стараясь высмотреть на утоптанной глинистой почве следы! Следы, вы понимаете, какая дикость началась! Как индеец... Сейчас ещё и понюхает! Распаренный урбанистикой и высоченным качеством жизни, с детства вбитым в голову пацифизмом, безопасностью среды и всеобщим спокойствием вокруг, современный европеец на моих глазах превращался в свирепого команча!

Нет уж, полного перевоплощения я дожидаться не стал.

Как только он начал выпрямляться, повернувшись ко мне спиной, я ухватился обеими руками за сук, резко подтянулся и что есть мочи, стараясь вложить в удар всю массу тела, пнул его под лопатки... Ступни обожгло болью.

Дыхание у него перехватило сразу, поэтому он не заорал. Так и падал в пропасть молча, лишь жиденькие кустики на краю затрещали под массой тела.

Передышки на осмысление мне не дали, на тропе появился подраненный Рупрехт. Упорный ты парень!

Увидев меня, он зашипел от злости и выплюнул:

– Scheisse... Mistkerl!

– Fick dich ins Knie! – выдал я из своего словарного запаса и добавил на родном, красноречиво показывая рукой вниз: – Там твой дружок валяется, падла! Под обрывом! Смотри, камп-рад!

Рупрехт понял.

Больше мы ничего сказать друг другу не успели.

Резко изменившись в лице – чувак даже побледнел, – он подошёл к краю обрыва и заглянул вниз. В этот момент я с размаху ударил его дурацкой палкой по груди – да пробью тебя наконец-то, сволочь такая, или нет?!

Палка легко раскололась на две части, будто стукнула по камню, а не по живому телу.

Он заорал, и я заорал. Немец кричал не столько от боли, хотя было видно, что и такой удар его потряс, сколько же можно по одной точке получать! Он вопил из-за страха за любовника. Я же ревел от ярости! И почти сразу, подскочив вплотную, воткнул зажатый между пальцами короткий клиночек тычкового ножа ему в шею, стараясь успеть резануть вбок. Немец помог – дёрнул головой – и сразу захрипел, успев-таки машинально махнуть клинком, незряче, – про-свистело над головой! Протолкнул клинок глубже, костяшки пальцев облило горячим и влажным.

Есть!

Я выдернул и ткнул снова. Хотел ударить в руку с ножом, но разум уже сбоил – опять в шею, зачем! Никогда не думал,

что učinю симметричный бой на таком гротескно неравном оружии! Рупрехт выронил страшный нож и захрипел ещё громче. Глаза выкатились, глядя на меня с ненавистью и одновременно с безмерным удивлением.

– Вниз, сука, давай! К другу! – Я схватил его за ворот рубашки и поволок к обрыву Чисто на адреналине, ибо ощущения были такие, что тяну малолитражку.

– Лети!

Чёрненький свалился. Только улетел он недалеко, сумев зацепиться ногой за изогнутый корень, вылезший из земли. Нет, ну что за день такой! Я высоту особо не уважаю, но делать нечего – полез вниз, отчаянно боясь сорваться. Вот и вражеская подошва со сложным рисунком протектора. На тебе по пятке!

Схватившись левой рукой за ствол, я матерился в голос, что-то орал, пинал и пинал, вышибая противника в объятия гравитации.

– Да лети же ты!

Сук дрогнул, выпуская конечность, подошва исчезла. И опять без крика.

Я сидел на земле и тряся, чувствуя, что вот-вот обмоюсь...

Кое-как повернулся, подгибая колени под себя, и прямо так, сидя, болезненно, со спазмами отлил на злополучный корень. Ох! Где моя химия? Сигаретная пачка смялась чуть ли не в лепёшку. Вытащив одну, я какое-то время тупо мял

её дрожащими руками, пытаясь придать форму, потом плюнул и со второй попытки прикурил... Лишь минуты через три я смог поднять голову и осмотреться сознательно.

Так. Лететь тут метров пятнадцать, внизу узкая полоса больших камней, пляж гораздо левей. А вдруг они выжили? Даже если и так, то бегать не смогут. Посмотреть, что ли? Край обрыва притягивал и пугал одновременно.

«Третьим будешь?» – «Не буду!»

Страшно, ёлки, в таком состоянии свалюсь запросто!

С трудом поднявшись на ноги, я подобрал тесак, осмотрел, подержал в руке. Дерьмо это, а не оружие. Рукоять металлическая, очень скользкая, взмокшая ладонь с трудом удерживала нож. Клинок хоть и здоровый, но тонкий, пружинистый, ничего силового им не сделаешь, при неудачном ударе лопнет к чёртовой матери, ещё и кисть вывернет... Ничего, пусть пока хоть такой будет.

Ножны улетели вместе с владельцем. Надо идти на пляж.

Шлепая сандалетами по тропинке, я на секунду представил, как выгляжу со стороны. В купальных трусах, в рваной окровавленной футболке, наверняка и лицо измазал. Да с таким диким тесаком в руке. А что делать, времена меняются.

На пляже, естественно, никого не было.

Пятьдесят метров по песочку, и я издали увидел всё, что хотел. Они лежали рядом, на камнях, чуть ли не обнявшись. Красные пятна на больших булыжниках видно было отлично. Конец битве титанов. Ближе я подходить не стал, пёс с

ними, ножами, всё равно холодняк надо менять на более толковый. И вообще...

– Тебе нужно оружие, Гош. Нормальное, серьёзное. Иначе хана.

Вечер приближается. А я так и не собрал чемодан.

Облака с оранжевым отливом подступали с юга. Райская погода, на море штиль. Здесь почти всегда штиль, яхты то и дело стоят неподвижно или дрейфуют.

И я пока дрейфую...

Непривычно – самолётов не слышно. А это что там?

Над морем беззвучно плыли два НЛЮ.

Не ночью, а при ясной видимости! Уже не прячутся – ещё одна загадка. Тарелки плыли в сторону Керкиры примерно в километре от меня.

– Огнестрел! – громко произнёс я. – Надо добывать ствол.

А пока опять в номер, ванна полная.

К центральному входу в «Холидей Палас» я подкатил вместе с телегой. Хорошо, что у неё после всех испытаний не отвалились колёса, даже жалко бросать, тем более что это уже как бы боевой товарищ. Хотел зайти на ресепшен, там сбоку в зале стоит магазинчик курортных товаров, есть футболки. В городе купил всего одну, всё морду кривил: принт не тот, цвет не тот... Купленную уже угробил, теперь хожу в рубашке поло с крокодилем, нелюбимой. Сейчас возьму любую. Если не разграбили, конечно.

Только я вышел из-за угла, как увидел последних беглецов.

Сначала выскочила пожилая парочка в белых костюмах. Покосившись в мою сторону, они сначала остановились, подумав: не грузчик ли это из персонала отеля спешит к ним на помощь? Разглядев типаж, быстро отвернулись и поспешили по спирали асфальтированного спуска вниз, к дороге.

Пока толкал телегу дальше, из навечно открытых дверей с отключенной автоматикой вылетел ещё один гость, полный мужчина средних лет. За собой он волок два огромных чемодана, и мне показалось, что это не его шмотки: куда одному столько? Мужик зыркнул и сразу дунул на подземную стоянку.

Возле самого входа я познакомился с одной парочкой.

Как показали события последующие, эта встреча была знаковой. Судьбоносной.

Первой из дверей вышла молодая мама. Сама в синем, и чемодан синий, стильно. Симпатичная такая худенькая блондиночка. Мельком глянув на меня, она обернулась и сердито топнула ногой.

Тут же из дверей вывалился шкет в камуфляжном костюмчике годков трёх от роду с игрушечным автоматом в руках. Он шёл и играл, стараясь каждым своим шагом попасть на следующую мраморную панель. Панели были большие, и шаги пацану приходилось совершать просто великанские. Ступая, он помогал себе считалочкой, которую легко адап-

тировал под свои нужды. Топал и лопотал, разбивая ритм под шаг:

– Е-хал! Гре-ка! Че-рез! Ре-ку! Про-да-вал он! Всем! Оре-ку!

Как ни в чём не бывало. И правильно, не стоит ему вникать.

– Кому два! Кому три! Вы-хо-ди из круга ты!

– Глебка, ты можешь быстрее!

– Простите, вы русские? – зачем-то спросил я.

Впрочем, может, они и украинцы. Ни разу не слышал, чтобы украинцы за границей говорили по-украински, всегда по-русски. Ну, наверное, такие попадались.

– Хай! – поприветствовал меня мальчик, как привык говорить в здешних магазинах.

Мама устало кивнула.

– Хай! – Я помахал ему рукой. – Уезжаете?

– Быстрее бы уже, – вздохнула она, ставя чемодан. – Глеб-ка, никуда не отходи, слышишь! Через полтора часа паром отходит на Бари, наверное, последний.

– В Италию? – удивился я. – Думаете, в Италии будет лучше?

– У меня сестра там живёт. Своё поместье в горах... Да и материк всё-таки.

– Ну да, ну да, – пробормотал я. – Вы уж лучше по набережной город объезжайте, внутрь не суйтесь, похоронных команд не видно, сами понимаете...

– Конечно! Подумайте, может, и вам есть смысл в Италию? Никого там нет?

Я подумал, вспомнив незабвенную Кармелиту из Милана, и сказал просто:

– Увы, никого. Так может, вам помочь надо, а?! Давайте отвезу!

– Спасибо! – улыбнулась она. – У нас есть машина. Что творится... Какое-то безумное оружие, люди умирают, в главном корпусе кошмар, что было! Вы видели тут двух немцев? Какие-то просто ненормальные, мы прятались, люди убегали! Они одного мужчину в столовой избили!

– Да, видел...

– Не знаете, где они сейчас? – спросила она, вглядываясь в темноту пустого холла.

– Знаю, – ответил я. – На пляж улетели.

– Точно, сумасшедшие! В такое время, и купаться! Ладно, пошли мы. Удачи вам!

– И вам счастливо добраться. Пока, Глебка!

Они ушли, а я втащил телегу в холл. Магазинчик справа был цел и невредим, что неудивительно – кому сейчас нужны курортные товары? Взламывать не стали. Немцы сюда или не добрались, или же плюнули загодя – сигареты адептов здорового образа жизни не интересовали, а ликер из кумквата, скажу вам, вещь на любителя.

– Хм... Ехал Грека через реку? Продавал он всем ореку... Вот же как, оказывается! – пробормотал я и решительно шаг-

нул к двери.

Достал из тележки красную фомку.

Где тут у вас, к примеру, футболки висят?

* * *

Перегнав «Панду» из подземной стоянки отеля на нижнюю открытую, я взял паузу, неторопливо решая: куда направиться в первую очередь?

Скорее всего, добыча пропитания и питьевой воды в ближайшее время проблем не доставит, магазины пока не выпотрошены, я очень на это надеюсь. Не имея субъективной картины происходящего, я с достаточной точностью мог моделировать, исходя из здравого смысла. Ничего, сейчас прокачусь, и вскоре всё станет ясно.

После двух убийств меня почему-то ничего не терзало. Вообще ничего... Ни печали, ни радости. Никаких рефлексий. Оказывается, можно убить человека, если ты внутренне к этому готов. А я что, был готов? Страшно! Однако ещё страшней умереть самому. Можно убить, можно – и никакие кровавые мальчики не будут драть тебе веки. Тяжёлый это вопрос, самый сложный, даже фоном рассуждать пока не хочу... Жуткий экспириенс, как говорила одна из моих подружек, употребляя, правда, прилагательное «чумовой».

Баста, завязали, думаю о важном!

Жильё, катер, оружие. Или так: катер, оружие, жильё?

Вспомнив последние часы, я установил окончательный порядок: оружие, жильё, катер.

Всё, утвердили!

Нужен нормальный нож и, конечно же, ствол. Или ство- лы. Без этого в мире, где стремительно устанавливаются но- вые порядки, просто не выжить, а уж отправляться в дальний путь не вооружившись – полная глупость. Теперь не знаешь, откуда ждать удара. Сбежавшие уголовники? Местный кри- минал? Я вас умоляю! Самая большая опасность будет исхо- дить со стороны перерождённых мирных обывателей, как те двое, лежащие на камнях с разбитыми головами! Их не вы- числишь, не представишь заранее модель поведения, внеш- ний вид, мотивы и реальное психическое состояние.

Жильё. Дело в том, что пока непонятно – разумна ли наи- высшая скорость бегства? Генетику, как я понимаю, всё ещё применяют, разгораются скоротечные локальные заварушки – самый хаос и кошмар! После сегодняшнего происшествия я почти уверен, что идиотам, наскაკивающим друг на дру- га через ныне прозрачные границы, как и молодым бандам, готовым сдуру пытаться взять приступом укреплённый дом с вооружёнными жильцами, осталось жить недолго. Безумие снизится до приемлемого уровня лишь тогда, когда на пла- нете останется ещё меньше людей.

А сам-то выживу? Сутками размышлять о том, когда по- лучу (и получу ли вообще?) свою дозу смертельной химии, я не собираюсь – непродуктивные сопли. Отхвачу так от-

звачу... Имеет смысл немного подождать, выиграв время на подготовку перехода. Вряд ли я легко смогу собрать достоверную информацию о пути следования, поздно, коммуникации связи разрушаются очень быстро. Так ведь и маршрут пока не понятен! Не выбрал, не решил. Куда конкретно прорываться?

Короче, нужна берлога.

Рядом с ней должен быть родник, а неподалёку – портовый посёлок с хорошим выбором небольших судов. В этот же пункт плана входит создание временной системы жизнеобеспечения. Тут вообще до фига чего нужно натащить... Электрогенератор, например, фонари – скоро ночами будет по-настоящему темно.

Катер – в этом вопросе Гош вообще не Капица. Тоже надо разбираться. Как инженер с большим практическим опытом я не сомневался, что с техникой как-нибудь справлюсь. А навигация, карты? Надо что-то читать, выяснять, лазить и осматривать. Кроме того, меня не клинит на морском плавании. Возможен и другой вариант: переплыть пролив, оказавшись в Греции материковой, и далее следовать на добытой машине... Конечно, перспектива в эпоху хаоса проходить несколько госграниц особой радости не доставляет. Надо другие варианты прикинуть.

Нет, на рывок свалить не получится.

Может, стоит позвонить Маркосу, если он ещё жив? Больше консультироваться по выбору конкретных путей самоэ-

вакуации не у кого. А что, трезвая мысль!

Итак, поеду искать огнестрельное оружие.

Вариантов у меня немного – основных всего два. Ровно столько я видел на Корфу охотничьих магазинов.

Первый обнаружился в Керкире, случайно. Там вообще всё находится исключительно случайно. Припарковаться в тесном городе очень непросто, требуется опыт. Когда он появился, я начал более или менее уверенно заезжать в центр. Оставлял машину и гулял ножками. Как-то раз, начав свой очередной пеший маршрут на сквере Сан-Рокко, вышел на чудесную площадь с детскими аттракционами, а потом двинулся по улице Феотоки в сторону Нового порта. Потом вернулся к площади и пошёл по улице Константа. Набрёл случайно, в доме номер пять, и сразу зашёл внутрь: что ты за охотник, если тебя не манит каждый встреченный охотничий магазин! Тем более за границей!

Сказать, что магазин меня не порадовал, – значит не сказать ничего.

Крошечное помещение. Настолько крошечное, что развернуться негде. Ассортимента просто нет, и это сказано буквально. На полках стояли пачки патронов, боеприпаса хватало, немного попутки и фирменный стенд с ножами «Опинель». Ружей не было, ни одного.

Хозяин, сначала не обратив на меня никакого внимания, что полная небывальщина для Корфу, нервно разговаривал с каким-то молодым человеком. И только после того как па-

рень, получив какие-то указания, исчез, он повернулся ко мне, уставший, вымотанный...

Разговорились. Оказывается, они собирались переезжать, начали паковать товар, да тут что-то незаладилось, и ясно-сти нет по сей день. Бизнес, и так не особенно популярный на острове, трещал по швам. По этой теме пытаться я его не стал, а начал выяснять: что вообще тут продаётся, каковы особенности греческого оружейного законодательства? Так как разговор длился недолго (не до меня было владельцу), да ещё на обоюдно плохом английском – понять смог далеко не всё.

В общем, охотничий гладкоствол купить можно. С нарезным геморрой изрядный, лицензию на винтовку дает лично директор полиции, и получить её довольно трудно. А так винты в продаже бывают, у него есть. По пистолетам и револьверам всё ещё суровее, разрешение на приобретение и ношение короткоствола греческая полиция дает лишь в исключительных случаях, при наличии реальной угрозы и после согласия на то прокуратуры. Спортивная стрельба из пистолетов – по лицензии на клуб, впрочем, тут я могу ошибаться... В Греции запрещено ношение ножей на общественных мероприятиях. Действует *legal reason*, то есть складной нож для личного пользования разрешен. Транспортировать серьёзные ножики лучше без возможности непосредственного использования.

По количеству владельцев... Тут и крылась основная бе-

да хозяина! Он с горечью поведал, что в городе есть всего несколько лицензий на короткоствол, да пара десятков на винтовки. Вот, собственно, и все сведения. Когда через несколько дней заглянул туда во второй раз, дверь была закрыта. Переехали они или нет, не знаю. Хозяин проговорился, что в Керкире есть аналогичные магазинчики, но мест дислокации конкурентов, естественно, не выдал... Сейчас уже поздно искать, сети нет, а имеющиеся у меня карты насквозь курортные, подобные интересы не учитывают.

Второй магазин обнаружил в Лефкимми, и тоже случайно.

Я ехал по центральной улице этого сонного города на юге острова, где практически нет туристов, пока не вышел к тому прекрасному месту, где улица пересекает канал. Полуденная жара была страшная, жало за тридцать в тени. Оставив машину у перекрёстка, я пошёл осмотреться. Охотничий магазин стоит прямо на углу, справа перед каналом, если ехать с востока. Тоже небольшой, но уютный и с весьма богатым, по местным меркам, ассортиментом! Чудес я уже не ждал и потому был приятно удивлён. С пяток гладких стволов, очень неплохой выбор ножей, хотя «Опинели» опять выставлены на самое видное место, и, что самое главное, две винтовки!

На этот раз с продавцом поговорить не удалось, английского он практически не знал. Посетителей, кроме меня (а был я там долго, наслаждаясь прохладой и перебирая ножики), так и не появилось. И здесь оружие – товар непопуляр-

ный, вот что я понял, выручка идёт только за счёт продажи патронов, покупаемых редкими фанатами. Нет никаких сомнений, что если бы владелец магазина арендовал это помещение, то разорился бы уже через сезон. Значит, это семейный бизнес, из поколения в поколение, в своём доме. Наверху живут, внизу работают – идеальный вариант.

Третье столкновение с оружейной темой произошло вечером, когда я, возвращаясь из Кавоса, отъехал от городка километров на десять. Много газировки выпил, закономерно прижало, вот и побежал по ближайшему пустынному просёлку в кустики. И сразу заметил на земле россыпь расстрелянных патронов двенадцатого калибра. Удивился я тогда крепко... Прикинул навскидку – пара десятков, стреляли не так давно. Неподалёку в вечернем мареве виднелось здание небольшого поместья, хозяин которого, скорее всего, тут и упражнялся. Вот такой вариант, в крайнем случае можно будет заглянуть и туда.

Хватит сидеть, надо звонить Маркосу и двигаться в путь.

Развернувшись чуть ли не по-солдатски, я вновь поднялся к своему отелю, зашёл за стойку ресепшен и снял трубку телефона.

Маркос был на месте, меня узнал, но говорить не мог:

– Мистер Санин, вы сможете перезвонить минут через сорок? Я провожаю последний паром на Бари, после чего смогу ответить на ваши вопросы спокойно и, надеюсь, обстоятельно.

Ещё бы! Даже в этом кошмаре грек будет не грек, если не найдёт время поговорить обстоятельно. Я, конечно, согласился.

Ждать в «Холидее» мне совершенно не хотелось – слишком уж плохие ассоциации начал вызывать у меня некогда прекрасный отель. Сел за руль и покатил вниз. Там подожду, на дороге, заодно немного проедушь в обе стороны – надеюсь, одностороннее движение отменено автоматически.

Первое, что бросилось в глаза, – чудовищная теснота на улицах.

До этого дня я не выезжал из отеля самым ранним утром, когда жители Канони не успели разъехаться по рабочим местам... И без того тесные улочки местечка сузились до ширины пешеходной дорожки. Атака, по крайней мере первая, пришлась на ночь, и все автомобили стояли с двух сторон у обочин, сплошной чередой, не втиснуться! Гаражей здесь практически не увидишь: если у тебя есть собственный гараж, то ты очень состоятельный человек, остальные машины круглый год стоят на улицах. В наиболее сложных местах владельцы предусмотрительно складывали зеркала, чтобы проходящий по расписанию автобус «голубой линии» мог проскочить, не собрав машины в жестяной колобок. Как они утром разъезжались?

Второе: трупный запах.

– Ехал грека...

Началось! Увы, но, похоже, полицейай Маркос в чём-то был

прав: не единственный, но основной удар пришёлся именно по грекам. Запах ещё слабый, завтра будет гораздо хуже. Страшно представить – все эти ряды уютеньких домиков наполнены трупами хозяев...

– ...через реку.

Нет, здесь жить нельзя. Надо «через реку».

Время ожидания прошло, я выждал ещё чуть-чуть, пунктуальность – не самая сильная сторона аборигенов. Достаточно вспомнить слова Даррелла об пунктуальности корфитов: «Слово «завтра» могло означать все что угодно: полтора часа, две недели, два месяца или вообще никогда».

Решив больше никогда не возвращаться в чёртов «Холидей», я подъехал к соседнему отелю «Арити», стоящему напротив выезда, у дороги.

Здесь двери в холл тоже были распахнуты настежь. Через высокие, почти во всю стену стеклянные панели движения на первом этаже не заметно. Кинув тесак в оранжевую пляжную сумку, взятую одновременно с футболкой, вальяжным туристом вошёл внутрь. Одет, правда, уже несколько иначе. Разумней. Просторные лёгкие джинсы, бежевая футболка, ремень, поясная сумка, кепка, кроссовки.

– Хай! – тут же донеслось из-за стойки.

Что-то я устал уже сегодня удивляться.

– Хай! Могу я воспользоваться вашим телефоном?

– Нет проблем, мистер, пожалуйста, – грустным голосом молвила немолодая женщина за стойкой. – Я вам поставлю

поудобней. Вот так.

Господи, эта-то почему не смылась... Тоже друга ждёт?

– Жду распоряжений управляющего, – ответила она, будто прочитав мои мысли. – Должен же он когда-нибудь сюда подъехать!

Я лишь головой покачал. Жди.

Редкой дисциплинированности гречанка. Не выполнить наказ хозяина по присмотру за вверенным имуществом для неё означает то же самое, что и отказ Красной Шапочки нести пирожки бабушке. Или она не гречанка? Здесь и сербы работают, и македонцы... Вероятно, так и есть, это что-то объясняет.

Лейтенант взял трубку после третьего сигнала, мы сразу перешли на «ты». Сначала я доложил об обстановке в Канони: что видел, как хоронил, Маркос даже что-то записывал. Потом начал рассказывать он.

Итак, паром на Бари ушёл благополучно. Ну и слава богу, пусть тебе, Глебка, повезёт в пути и после!

Сначала я спросил о ситуации в столице, пояснив, что хотел бы наведаться в кое-какие магазины. Столь откровенное признание в мародёрских планах полицейского ничуть не смутило – мужик прекрасно понимает, что живые должны иметь ресурс.

– Не самая лучшая идея, Гош. Чтобы было понятно, скажу: весь оставшийся личный состав полиции переведён в здание управления порта. В центре находиться невозможно.

Ясно. Я вспомнил это небольшое здание, там рядом находятся кассы, где и покупают билеты на паромы. Правильное решение, жилья поблизости нет. И всё продувается.

– Не ожидается ли паром в Россию? Или авиарейс? – на всякий случай спросил я, понимая, что звучит это глупо. Должен был спросить!

– Никаких шансов, – сразу отрезал лейтенант. – Полоса не работает, ты же сам всё видел! Да и летать некому. В принципе, ты можешь пробраться к нам. Адекватные люди здесь нужны. Очень нужны, всех собираем, кого можем! Только учти, по набережной пройти уже не получится, теперь только через город. И это определённый риск.

– А что там, на набережной?

– Авария, как мне только что доложили, дорога перегорожена, растаскивать некому.

– Патрульные?

– Нет, никого не посылал. Некого посылать, люди и здесь нужны.

Сколько их там осталось? Десять? Пять? Жуть! Работают парни из последних сил и ждут, когда им с воздуха добавят. Что ж, значит, Керкира для меня пока закрыта, не вижу необходимости ломиться в самый центр кошмара.

– Ещё какие-то вопросы, Гош?

Главный для меня вопрос – о варианте бегства в континентальную часть Греции – для обстоятельного ответа потребовал немало времени. Оказалось, не всё так просто!

– У нас есть радиосвязь с коллегами. Пока есть, так что информацию получаем. Дело в том, что правительства в Афинах...

Я благоразумно смолчал.

– ...больше нет.

– Как так?!

– Власть в столице захватили оппозиционеры, но удержаться они не смогли, уже через несколько часов здание заняли представители анархистов. Чуть позже к борьбе подключились крупные криминальные группировки. Людей мало у всех, а вот оружия всегда было много. Как и глупости в головах! Так что в Афинах идёт самая настоящая война.

– Подожди, Маркос, какое оружие? – засомневался я. – Мне показалось, что Греция – самая небооружённая страна!

– Да? Что касается легального оружия, так и есть. А вот с нелегальным дело обстоит гораздо хуже. Чёрт возьми, да мы только и занимались отслеживанием! – Чувствовалось, что на больную мозоль я таки наступил. – Совсем недавно накрыли очередной канал поставки автоматов Калашникова через Албанию! Новенькое придумали, использовали фуры для перевозки коров! Коллеги не столь тщательно осматривают машины с животными – запах, грязь в фургонах... Сколько успели протащить, неясно. Сейчас в Афинах очень много нелегальных складов, с которых оружие продается поштучно и мелким оптом.

– Ты это серьёзно?

– Серьёзно? Складные автоматы идут по цене от 1200 до 1500 евро! Обычные «Калашниковы» с круглыми магазинами на сотню патронов, которые используются в полиции, уходят по тысяче! По всей Греции – более полумиллиона «Калашниковых»! Преступные группировки Афин всегда хорошо вооружены, даже при мелком ограблении берут на дело целый арсенал! И ситуация не меняется, это как борьба с мифическим спрутом: одно щупальце отрубаешь – на смену вырастает десять! Это на Корфу всё тихо! На континенте сейчас творится вакханалия! Так что я бы не советовал прорывать на автомобиле.

Вот же задница! А что тогда творится в Румынии? А на Украине, если я попаду в район Одессы? Про Крым и думать не хочется, там уже вполне могут хозяйничать турки. Бр-рр... И заблокированный с суши Севастополь. Нет, надо думать тщательней! В Азовское море и к Таганрогу?

Поговорили ещё немного, Маркос напомнил о своём предложении, продиктовал частоту. Неплохо бы обзавестись хорошей рацией! Я, в свою очередь, пообещал, что, как только подберу подходящее логово, сразу постараюсь выйти на связь. Об оружии даже не заикался. Ясно, какой последует ответ: «Заходи в штат и получай!»

Что ж, будем добывать сами.

Положив трубку, я поблагодарил дисциплинированную работницу «Арити» и без всякого такта сказал ей в лоб:

– Не ждите вы хозяина, мадам... Его больше нет. Ищите

другое решение.

Вышел на улицу.

Светло-жёлтая «Панда» преданно смотрела на меня глазами-фарами.

– Грека дёрнул через реку, – объявил я ей. – А продавал он всем, между прочим, ореку... Вот орешки мы и поедим искать. Пригодные для выживания. Добро?

Мигнуть фарами и звякнуть сигналом автомобиль не мог, поэтому согласился молча.

Глава 4

Подготовка к старту. Гош добывает, знакомится и делает новые выводы.

Я уже говорил, что в районе Канали навалом больших магазинов.

Район отоварки местных жителей находится по другую сторону озера-залива и аэропорта, туристы туда добираются редко. По пути сюда самым сильным впечатлением оказалось зрелище последствий дикой катастрофы, дорога проходит вдоль северной стороны территории аэропорта, так что всё видно как на ладони. Не смог не остановиться, посмотрел, встав возле торца ВПП.

Да... Хана взлётке! Собственно полоса, может, и не пострадала, вот только это огромное пятно пожара с чёрными островами разбитых в куски самолётов... Кто теперь будет убирать и чистить? Для среднемагистральных авиалайнеров полёты закрыты. Ни один пилот в трезвом уме не станет заходить на посадку на такой аэродром даже в самом крайнем случае.

А чёрно-золотистая «Бонанза» стоит на своём месте, в секторе для маломерок! Не успел пилот смыться. В принципе, аппарат можно, обогнув бетонку, перекатить вперёд, к чистому участку ВПП... Не, не! Это уж точно не моя песня,

я не лётчик. Авиацию люблю и уважаю, но не больше. Будь у нас развита малая авиация общего назначения, кто знает, может, и выучился бы, было такое желание.

Рядом с «Бонанзой» стояли ещё два самолётика, это более чем немного, бывает гораздо больше, до десятка. Пожалуй, кто-то всё-таки свалил небом.

Первый визит я нанёс в большой магазин автозапчастей.

На улице и возле супермаркетов людей не видно в принципе, а здесь, возле шоссе, сплошные торговые центры и специализированные магазины. Некому было с утра прийти на работу. Жилая зона чуть дальше, потому и запах пока не чувствуется.

Огромное витринное стекло центрального входа я громить не стал, как-то стрёмно, шумно и слишком по-варварски. Взломал один из хозвыходов.

Первым делом подобрал себе хороший ротационный топливный насос Groz.

Эту тему я знаю. Насос механический, то есть автономный. С очень хорошей для ручного насоса производительностью. Вообще-то у любого ручного насоса она зависит прежде всего от кондиции и степени старания работающего на нём человека – как покрутишь, то и получишь. В среднем получается тридцать литров бензина в минуту. Оператор работает разнонаправленными кривыми рукоятями – топливо извлекается из ёмкости, практически из любой. Например, из бочек или цистерн. Это профессиональное высокопроч-

ное оборудование для перекачки, в данном случае бензина, там, где нет электричества или сжатого воздуха. Как раз мой случай... У нас они используются в геологических партиях, маломерный флот такие любит. Насос оснащен стальным телескопическим заборником из трёх колен, так что в хранении девайс достаточно компактен. Я взял самый длинный из имеющихся, с обратным клапаном и усиливающим редуктором. Есть боковой отвод, куда можно сажать шланг и опускать его вообще глубоко – тут придётся попотеть... Ничего, крутилка очень удобная.

Наверное, я мог найти такой и на каком-нибудь катере – у местных капитанов должны быть, перебои с электричеством на островах не редкость, – однако решил взять нулёвый. Греки вполне могут поступать самобытно. Нет энергии? Есть сложности? Стой у причала, попивая в соседней кафешке крепчайший кофеёк! Что они и делают без всяких аварий: подавляющее число катеров и яхт неделями стоит на приколе. И даже если выкатятся в залив, то почти сразу останавливаются на дрейф или на якорь и зависают уже там.

В комплект к насосу я прихватил два шланга из маслостойкой резины: обычный и тоненький, на тот случай, если придётся вытягивать топливо из бака какого-нибудь «Логана». В полевых условиях искать наконечник топливного фильтра, крепить там шланг, возиться с катушкой зажигания и ставить перемычки в реле, чтобы перекачать горючку электричеством, мне не улыбается, лучше уж так, через тон-

кое сечение, зато спокойно и аккуратно.

Даже маленький раздаточный пистолет взял, в жизни таких не видел!

Походил по залу, сначала нелогично набрав кое-чего помелочам. Взял большой «маглайтовский» фонарь-дубинку с криптоном и два маленьких светодиодных нового поколения, набрал батареек. Радиостанций не нашлось, может, они все на лицензии? Не забыл о канистре. Вспомнив, прихватил компактные гидрожницы и аккумуляторную отрезную машинку, мародёрку следует механизировать. Потом я незаметно вошёл во вкус и меня растащило по полной... Кое-как запихав на заднее сиденье электрогенератор со связками проводов, я с тревогой подумал, что если не найду дупло в самое ближайшее время, то машину придётся менять – а не хотелось бы. «Панда» очень экономична при отличной тяге.

Ну вот, можно ехать грабить караваны.

Так как рядом со мной находилась заправка Jet Oil, направился туда. Не понравилось сразу, возни много. Рядом красовалась АЗС ВР – подъехал, походил, посмотрел – тоже ну на фиг. Слишком всё мудрёно, много электроники, блокировок. На «бипишке» я вообще не смог найти трубку контрольного отбора топлива. Может, искал не там, может, спрятана хитро.

Выручила автозаправка Avin. Вообще-то эти АЗС по всей Греции славятся не самой лучшей репутацией – не доливают, бодяжат, хотя бензин на них самый дешёвый. Я понача-

ду пару раз сунулся на такую, когда ехал на Палеокастрицу, и упёрся в стандартную сиесту. А в воскресенье вообще ни одна их них не работала. После чего заправлялся исключительно на ВР – пашут как влитые.

Поглядел и возликовал. Это же совсем другое дело, товарищи греки!

Крышка горловины для забора проб, спрятанная в жестяном боксе вместе с какими-то датчиками и клапанами, была опломбирована и закрыта на всякий замок. Хрусть – пополам, словно булгаковский трамвай «Аннушка» прошёл! Хорошие гидронежицы. Дальше – вопрос мускульного труда... Цистерна лежала совсем неглубоко, говорю же, у греков всё маленькое. Я осторожно опустил погружную штангу, закрепил, подсоединил шланг и быстро закачал бак «Панды» под завязку, заодно наполнив и двадцатилитровую канистру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.